

Александр МАЗИН

БОЕВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ИНКВИЗИТОР

Я — ИНКВИЗИТОР
ПРАВО НА МЕСТЬ

Александр Владимирович Мазин

Я – инквизитор

Серия «Инквизитор», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165734

Аннотация

Его подставили. Вернее, он, Андрей Ласковин, подставился сам, чтобы защитить друга.

Его использовали и вычеркнули. Но Андрей – выжил. Выжил, чтобы стать Инквизитором.

Теперь он сам вершит закон: ударом на удар, пулей – на пулю, силой – против силы.

Самый известный боевик Александра Мазина «Я – Инквизитор».

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	41
Глава пятая	65
Глава шестая	86
Глава седьмая	108
Глава восьмая	124
Глава девятая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Александр Мазин

Я – Инквизитор

*В этой стране только мертвые сраму не имут.
В этой стране только мертвым дано говорить.
В этой стране, на развалинах Третьего Рима,
Только и свету, что спать да молитву творить.
В этой стране, где свобода – не больше чем право
Сесть наугад в переполненный грязный вагон
И, затаясь, наблюдать, как меняет Держава
Лики возгдей на полотнах бесовских икон.
В этой стране никому и никто не подвластен
Данностью свыше. Почти не осталось живых
В этой стране, где уверенность в будущем
счастье*

*Лишь у юродивых (Бог не оставит своих).
Здесь, на объездах Истории, жирные монстры
Прут из земли, как поганки под теплым дождем.
Серое делают белым, а белое – черствым
В этой стране...
Но другой мы себе не найдем.*

Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать дерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости

Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего, будь непорочен пред Господом Богом твоим.

Второзаконие, гл. 18

Они же приводят в замешательство дух человеческий, те наводят на людей сумашествие, ненависть и туманящую разум любовь. Они же, даже без помощи яда, но силой своего заклинания, уничтожают душу.

Я. Шпренгер, Г. Инститорис. «Молот ведьм»

Часть первая

Поднявший меч

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Евангелие от Иоанна, гл. 3, ст. 19—21

Глава первая

Выходя из закуской, Андрей остановился в дверях и быстро огляделся. Резкое движение тупой болью отозвалось

в затылке, и, смиряя ее, Андрей медленно выдохнул сквозь сжатые зубы. Никто не ждал его снаружи, и жирная красная точка, завершающая историю жизни Андрея Ласковина, немного отодвинулась в будущее. Но боль, которая прочно утвердилась в его теле, боль, отзывающаяся на каждый вздох, сковывающая, как невидимый корсет, вытягивающая силы боль напоминала: ты уязвим!

Большеохтинский проспект был немногочеловечен. Редкие несчастливые петербуржцы, прикрывающие лица от мокрого снега, серая промозглая муть, которую язык не повернется назвать днем. То ли вечер, то ли раннее утро. Сумерки. Хотя до темноты еще часа два. Сумерки. И это хорошо.

Андрей накиннул капюшон, спрятавшись в нем, как улитка в раковине, и шагнул в пелену липких холодных хлопьев: одна из согбленных безликих фигур, не интересных даже собственным детям.

Впереди, шагах в двадцати, несколько работяг уныло ковыряли асфальт. Вчера их здесь не было. Неровная борозда в шаг шириной пересекала тротуар как раз перед перекрестком. Вчера не было и ее. Но рабочие (как и борозда), несомненно, подлинны. Ни один киллер не станет полдня долбить мерзлую землю, чтобы подстеречь жертву, выходящую из забегаловки с гордым наименованием «Кафе „Большая Охта“». Ни один русский киллер до этого не унижится. Хотя идея неплоха. Прострелить его набитый бараньими жидами и полусырой картошкой желудок, скинуть труп в эту

самую канаву, забросав комьями земли и кусками асфальта, катнуть для надежности сверху трехтонным валиком...

«К счастью,— подумал Андрей,— у нас не Голливуд. Или — к сожалению...»

Кого в сумрачном Петербурге всерьез волнует неопознанный труп? А тем более труп будущий... Следственные органы? Вряд ли. Разве что «тобольцы» Антона Гришавина настропалят своих «оборотней», не надеясь управиться собственными силами. Возможно. И вероятно. Мафия бессмертна. А он, Андрей Ласковин, смертный человек. Внезапно смертный, как мудро замечено. Внезапно — это если повезет. Хуже, если, как это уже случилось, он окажется в одном из специально оборудованных помещений, вроде вчерашнего гаража.

Снег падал густой, как манная каша. Андрей брел, засунув руки в карманы ветхого плащика.

«Мне очень холодно и очень скверно!» — мог прочесть каждый на его мокрой спине.

Увы, так оно и было. Несколько дней игры в «дичь— охотник» превратили Андрея из охотника в затравленную, вяло огрызающуюся дичь. Но холодно Лаковину не было. Под ветхим «помоечным» плащиком у него была кожаная куртка с меховой подстежкой, а брюки и обувь, хоть и заляпанные грязью, неплохо противостояли ледяной жиже. Плащик же (и впрямь подобранный сегодня утром на помойке) был вынужденной маскировкой. Андрею совсем не хотелось, чтобы

в его куртке появилась еще одна пара отверстий.

Андрей шел в сторону Невы, хотя Нева как таковая – черная мазутная вода под источенным промоинами льдом – его не интересовала. Ласковин шел к ТОО «Шанкар», одной из фирм, опекаемых «тобольской» группировкой. Фирма располагалась здесь, на Большеохтинском. Вчера Андрей тщательно изучил окрестности и был готов встретить «кураторов». Но вчера они так и не появились. Сегодня же – пятница. День, располагающий к особым визитам.

Честно говоря, Андрей предпочел бы, чтоб они не появились сегодня. На этом настаивала каждая клетка его тела. Но он шел к ТОО «Шанкар», потому что не желал быть дичью, не желал упустить, быть может, последнюю возможность рвануть клыками врага.

И все-таки лучше бы их не было...

Ласковин миновал продавца полузанесенной снегом картошки. У грязных мешков возились две женщины, отбирали картофелины покрепче.

«Бедняги», – подумал Андрей, имея в виду и женщин, и продавца. Интересно, будь этим троим известна его ситуация, что бы они подумали о нем?

«Скорее всего, ты просто дурак, – сказал ему пять дней назад сэнсэй Слава Зимородинский. – Но возможно, это Судьба дарит тебе шанс стать мастером».

Да уж, есть шанс. Шанс приобщиться к числу неопознанных трупов. Во имя справедливости. Одно утешение: он сам

поднял стаю и сам пустил ее по своему следу. Правда, когда он это делал, то был подсознательно уверен, что выживет. Сейчас такой уверенности больше нет. Но пока Андрей Ласковин жив – счет в его пользу.

ТОО «Шанкар». Девять зашторенных окон. Навес на шести колоннах. Под ним – крохотная автостоянка. Так и есть! Одна из трех припарковавшихся машин – черный джип «чироки». Там, на Мастерской, Ласковин не сумел разглядеть его номера, но наверняка номер тот самый. Глядя на основательный зад «чироки», Андрей ощутил неприятную пустоту в животе. И одновременно возбуждение-подъем.

Андрей медленно проковылял мимо автостоянки. Изнутри «чироки» доносилась жизнерадостная попса. Сквозь заднее окошко джипа смутно просматривался силуэт человека. Две другие машины были пусты.

Свернув за угол, Ласковин зашел в первый же подъезд, проглотил таблетку болеутоляющего и присел на подоконник. Выждав минут десять, он вынул из кармана плаща «трофейный» пистолет («Carl Walter Waffenfabrik Ulm/Do, Modell TRN Cal. 6.35» – было выбито на его корпусе) и переложил его в левый карман куртки. Пистолет был небольшой, смахивающий на игрушку, но, как Ласковин уже убедился, достаточно смертоносный.

В обойме оставалось еще два патрона. «Помоечный» плащик Андрей оставил на подоконнике. Вряд ли кто-то польстится на ветхую тряпку.

На стоянке у ТОО ничего не изменилось. В джипе по-прежнему играла магнитола. Андрей присел у заднего колеса, выждал некоторое время, затем, пригнувшись, подобрался к правой дверце. Осторожно попробовал. Открыто.

– Ы! – сказал любитель музыки, когда ствол пистолета, из которого все еще пахивало порохом, уперся ему в нос. Сказал – и по собственной инициативе поднял руки. В правой – трубка мобилы.

– Положи, – сказал Андрей. – Уронишь.

– Не убивай меня, – почему-то шепотом попросил «тобольец».

Ласковин взял его свободной рукой за мягкое теплое ухо.

– Сколько ваших внутри? – осведомился он.

– Слушай, не стреляй, ладно?

– Я о чем-то спросил, – напомнил Ласковин, выворачивая ухо градусов на сто двадцать. – Не шевелись, не надо! – предупредил он дернувшегося и зашипевшего от боли бандита. – Сколько ваших внутри? – И ткнул стволом в ноздрю «тобольца».

– Т-трое... – выдавил любитель попсы.

Ласковин выпустил ухо и нанес бандиту аккуратный удар в челюсть. Трое – это для него, теперешнего, чересчур. Открыв левую дверцу, Ласковин выпихнул обмякшего «тобольца» наружу, отметив, что организм больше не реагирует всплеском боли на каждое движение. Часа на два Андрей снова человек. Правда, лучше не слишком напрягаться.

Двигатель джипа работал. Ключи на месте. Ласковин сдал назад, развернулся и выехал на проспект. На углу с Пороховской он свернул, и еще раз свернул на Среднеохтинском. Сделав круг, он остановил «чероки» совсем рядом с ТОО «Шанкар» и вышел. Не потому что собирался напасть с тыла – просто хотел забрать плащ.

Спустя десять минут он был уже возле «Новочеркасской», пересек мост и поехал по Синопской набережной. Мощные фары джипа ввинчивали в снежную муть снопы белого огня. Андрей сбросил скорость, замигал поворотником, высматривая подходящее место для парковки. Найдя его, проехал еще метров двадцать и выключил фары. Затем сдал задним ходом и остановился. Мотор глушить не стал.

Снова облачившись в плащ, Ласковин проверил содержимое бардачка: ничего интересного. Тогда, не включая ни фар, ни габаритов, Андрей плавно тронулся и направил «чероки» в нужное место: туда, где гранитный парапет разделялся и обледеневшие ступени с двух сторон спускались вниз, к воде. Джип встряхнуло: два колеса выскочили на тротуар. Андрей нацелил «чероки» в проем, открыл дверцу и, оберегая раненый бок, выпрыгнул наружу. Джип нырнул в проем между барьерами и полетел со ступенек, с душераздирающим визгом скребя корпусом по стене. Скатившись на залитую водой площадку, «чероки» по инерции развернулись и врезался «скулой» в противоположную стену. Отрикошетив вправо, он выскочил на лед, проломил его и, завалив-

шись набок, медленно ушел вниз.

Гибель его прошла незамеченной. Водители редких машин, проносившихся у Андрея за спиной, были больше озабочены тем, как бы что-то увидеть сквозь размазанную очистителями по лобовику снежную кашу. Прохожих и вовсе не было.

Ласковин, опершись на парапет, посмотрел на черную дыру, пробитую тяжелой машиной, и усмехнулся. И так, еще одно очко. Последнее? Сколько «быков» рыщет сейчас по городу, стремясь отыгаться? Андрей еще раз посмотрел на черную воду и подумал: а стоило ли выпрыгивать из джипа?

Да, стоило. Выпрямившись, Ласковин поправил капюшон и двинул обратно. Вернулась боль. Угнездилась в затылке, в боку, в одеревеневших ногах. Очень хотелось горячего. Чаю. Или кофе с коньяком. Крупный липкий снег медленно оседал на голову и плечи. Темнело. Хотелось спать...

Глава вторая

В двадцать девять лет Андрей Ласковин стал полностью свободным человеком. Во-первых, от него ушла жена. Во-вторых, он бросил свою основную работу, превратившись в гражданское подобие «солдата удачи».

Правда, вышесказанное можно было сформулировать и иначе: *он* бросил свою жену; *ему* было предложено уйти с работы. Но это – вопрос выбора точки зрения. Человеку, которого учили проектировать нестандартную электронику, противно шесть часов в день ремонтировать видео-, аудио- и прочую аппаратуру. Мужчине, ищущему в любовницах остроту, а в жене – спокойствие и тепло, утомительно быть супругом нервной манекенщицы с характером сиамской кошки.

Марина ушла одним прекрасным июльским днем, забрав с собой девяносто процентов барахла и две трети мебели. Через три минуты после отбытия грузового фургона Андрей пропел оду Гименею и позвонил в аэропорт. На следующее утро

он уже летел на юг. Вернулся он через десять дней. И несколько не огорчился, услышав от своего директора, что «такие необязательные люди» ему не нужны. Возможно, директор ожидал раскаяния и обещаний «никогда больше...», но Ласковин лучезарно улыбнулся и попросил трудовую. Сво-

боден!

В наследство от прошлого Андрею Александровичу Ласковину осталась однокомнатная квартира (хозяевам заплачено до конца следующего года), тысяча восемьсот баксов наличными, друзья, с которыми можно весело провести вечер, и подруги – для времени, остающегося между вечером и утром. Следует также внести в актив приятную внешность, умение раскалывать рукой двухдюймовые доски и ремонтировать компьютеры (если не стошнит). Став свободным, Андрей Ласковин решил жить весело и разнообразно. Средства же на веселую жизнь Андрей предполагал получать от охранной халтуры, которую организовал ему Митяй, Николай Митяев, лучший друг лет этак с двух.

О нем, Кольке Митяеве, следует сказать особо.

Появившись на свет в одном роддоме, Андрей и Николай почти двадцать лет прожили в соседних комнатах коммуналки на Петроградской и шли по жизни плечом к плечу от детского сада до Политеха. Здесь их пути разошлись, потому что Митяй вылетел со второго курса и загремел в армию. Андрей же завершил образование вполне благополучно и был распределен в контору, развалившуюся спустя полгода после появления там Ласковина. Но не вследствие его появления там, а в силу известных социальных катаклизмов?. Тогда Андрей оказался перед выбором: пойти сэмпам к Славе Зимородинскому или поискать что-то подходящее по избранной специальности. Андрей выбрал второе. Возможно, по той же

причине, по которой в семнадцать лет превратил каратэ-до из «жизни» в хобби. Впрочем, и в настоящее время он не забывал два-три раза в неделю посетить коллективно арендуемый зал на улице Комсомола и вполне соответствовал коричневому поясу, повязанному больше десяти лет назад.

Николай Митяев почти всю свою жизнь смотрел на лучшего друга сверху вниз, но первенство Ласковина признавал безоговорочно. Не только потому, что шестидесятипятикилограммовый Ласка на татами разделявал в ноль девяностодвухкилограммового Митяя, и не только потому, что мозги Андрея шевелились быстрее. Андрей обладал той особенностью, что практически в любой компании давал окружающим почувствовать в себе лидера. Нет, слово «лидер» было не совсем верным. Андрей не склонен был командовать другими. Просто он выглядел человеком, с которым стоит считаться. Единственный, кто мог указывать Андрею после того, как отец и мать Ласковина отбыли на заработки в Монголию, это друг и сэнсэй Вячеслав Михайлович Зимородинский. Но и он – до определенного предела. Так, в семнадцать лет, окончательно решив не делать из каратэ своего будущего, Ласковин хоть и понимал, что огорчает Славу безмерно, но решения не изменил. Да, у Андрея были основания для такого решения, и Зимородинский это понимал. То, что учитель готов рискнуть, а ученик – нет, говорило не в пользу учителя. И все равно не было у Ласковина более близких друзей, чем Слава Зимородинский и Митяй. Когда Ан-

дрей поддался на уговоры последнего и согласился стать его напарником в охранной фирме, Митяй прыгал бы от восторга, будь он килограммов на двадцать полегче. Хотя, поставь их рядом, Ласковина и Митяева, и не представишь менее похожих людей.

Николай большой, мощный, неторопливый. Крупная голова на широких покатых плечах. Внешность человека если не доброго, то солидного. И надежного. Таких любят женщины, таких стараются не задевать мужчины. У таких заботливые жены и замечательные дети.

Андрей – невысокий, быстрый, выглядящий гибким и не очень сильным (в одежде). Курчавые, светлые, коротко и аккуратно подстриженные волосы, маленькие, красивой формы руки, которые портили только грубые мозоли на костяшках. Руки эти постоянно стремились к движению, и Андрею пришлось приложить немало усилий, чтоб приучить их к покою. Внешность Ласковина (если не заглядывать в глаза) можно было бы назвать «приятной»: твердый подбородок, неширокое лицо, маленький рот, чистая кожа. В общем-то, ничего особенного. Если не заглядывать в глаза. Но если заглянуть... Темно-серые, с синевой, под линией темных (это при соломенных волосах), почти сросшихся бровей, они напоминали поверхность моря сразу же после захода солнца. Или ладожскую воду весной. Встретившись взглядом с Ласковиним, человек запоминал его надолго. Женщины, которые охотно одаряли благосклонностью Николая Митяева, от

Андрея просто шалели. Правда, далеко не все. Но абсолютно все улыбались, когда улыбался Андрей. Единственным, хотя и заметным дефектом ласковинской внешности была искривленная переносица со шрамом там, где прошелся скальпель хирурга.

При немалых внешних различиях и Андрей, и Николай, помимо общего прошлого, имели общее и в образе мыслей. Например, и тот и другой обладали толикой оптимизма и чувством юмора. Хотя оптимизм их питался от разных источников, а юмор окрашивался в разные цвета. И еще они неплохо понимали друг друга, что немаловажно в работе, связанной с риском.

Охранная фирма «Шлем» (все виды охранных услуг: доставка товара, сопровождение грузов, обеспечение личной безопасности и безопасности офисов, обеспечение и страхование сделок, оказание помощи в таможенных вопросах и т. д.) представляла собой филиал некой более крупной фирмы, образовавшейся при распаде еще более крупной организации, после того как лидер ее отбыл в Штаты, а двух его помощников самым неделикатным образом пристрелили в собственном баре. Митяй в свое время пытался посвятить Андрея в тонкости иерархии мафиозных структур, но Ласковин (кто знает, что готовит нам будущее?) отмахнулся. «Не мое дело. Мое дело – охранять». Заправлял «Шлемом» Виктор Петрович Сипякин, охотно отзывавшийся на обращение «босс» или «шеф» и на дух не переносивший привезенную

из мест весьма отдаленных кличку Конь. Но платил Конь-Сипякин щедро и аккуратно, а наказывал сурово, поэтому «персонал» обращался к нему так, как нравилось Виктору Петровичу.

В людях Конь разбирался неплохо. Когда Митяй представил ему Ласковина, Сипякин практически сразу определил, как можно использовать новичка. И практически сразу решил, что приглядывать за ним придется особо.

– Вот,– сказал тогда Митяй,– Андрей Ласковин, знаменитый боец!

– Угу,– пробурчал Сипякин, оглядывая «знаменитого бойца», как барышник лошадь.

– Хилый какой-то,– заметил Абрек, личный шофер и телохранитель Сипякина, громила ростом с Митяева и еще пошире в плечах.

– Да он круче меня втрое! – обиделся за Ласковина Митяй.

– Афган? – поинтересовался Сипякин. Андрей покачал головой.

– Черный пояс?

– Коричневый.

– Абрек,– бросил Конь.– Проверь!

– Я же сказал! – воскликнул Митяй.

– Засохни,– отрезал Конь. И Николай заткнулся. Сипякин не терпел пререканий.

Громила Абрек медленно обошел стол, развел руки, слов-

но собирался заключить Ласковина в объятия... и вдруг рванулся вперед. Могучий хук был нацелен Андрею в подбородок.

Ласковин боксерскую походочку телохранителя просек сразу. Да и физиономия Абрекова говорила о том, что по ней сильно и часто били. Поэтому к выходке его был готов. Уход в низкую стойку, обход, секунда – и Андрей сдернул с Абрековых пудовых плеч пиджак. До локтей. Излюбленный трюк Зимородинского – обездвижить или отвлечь противника с помощью предмета. Уличный, так сказать, вариант.

– Чего от вас ждут? – говорил сэнсэй. – Блок и контрудар. А плюнуть в глаз или сигарету зажженную в штаны уронить – этого не ждут. Такое, конечно, посложней, чем оицки-гия-куцки-майгери, но противник, у которого в мотне хабарик дымится, – это уже не противник, а макивара.

Телохранитель Сипякина противником не был, поэтому Ласковин пиджак сдернул, легонько по затылку обозначил и надел одежду обратно на Абрековы плечи. Два шага в сторону – улыбка будущему начальнику, улыбка «проверяющему»: ты пошутил, я пошутил. Конь отреагировал лошадиным оскалом. Абрек тоже ухмыльнулся, хлопнул Ласковина по спине: ясное дело, я тоже не всерьез, если б всерьез – мокрого места от тебя не осталось бы! Но молодец, новичок, как там тебя... И, сохранив лицо, вернулся на прежнее место рядом с хозяином.

– Годится, – резюмировал Сипякин. – Крови не боишься?

– Не люблю, – осторожно ответил Андрей.

– Понял тебя. – И Митяеву: – Хочешь его напарником? Ладно. (Тот широко улыбнулся.) Обязанности объяснишь сам. Плачу я сдельно. Вопросы?

– На постоянную я пока не могу, – предупредил Андрей.

– А на постоянную я тебя и не возьму, – сказал Конь. – Это еще заслужить надо. Покажешь себя – направлю на курсы. За счет фирмы. А пока так: тебе говорят – ты делаешь. За груз отвечаешь. Карманом. Николай тебе растолкует. Держись за него, дело знает. (Митяй улыбнулся еще шире.) Он – старший. Свободны!

Так Ласковин стал охранником. В общем-то, не из-за денег, хотя лишние шесть сотен баксов в месяц никогда не мешают. Привлекало разнообразие. И риск. Хотя даже самому себе Андрей в этом признаться не хотел. Поддался на уговоры друга, и все тут.

Сипякин же присматривался к нему долго: своеобразный парень, явно годится на большее, чем сопровождение. Но обращения требует осторожного и внимательного... как бомба. Однако в делах, коими ворочал Виктор Петрович, бомба иногда была очень кстати. Поэтому, когда Андрей уволился из своего ремонтного агентства, Сипякин оформил Ласковина у себя. Но на курсы телохранителей так и не отправил. Скорее всего, просто не успел.

Глава третья

– Ласковин, – крикнули из бухгалтерии, – телефон возьми! Андрей, уже надевший куртку, чтобы выйти на улицу, поморщился.

– Митяй, подожди в машине, – попросил он. – Я недолго. Минута.

Вышло, однако, несколько больше минуты.

Звонил Мишка Гудимов, приятель с институтских времен.

– Андрей, у Витьки неприятности!

Витька – младший брат Михаила. Андрей был с ним неплохо знаком. Настолько неплохо, что даже пристроил тренироваться к Зимородинскому. Оболтус, конечно, но оболтус способный. Через год желтый пояс сделал. Правда, с первым разрядом по дзюдо за спиной, а Слава по таким специалист. Желтый пояс, конечно, – это так, щелчок. Перед девочками в институте выдрючиваться. При этом гонора у парня – прямо Ван Дамм в детские годы. Способный парень, неглупый... но дурак.

– Что-то стряслось? – спросил Андрей, не особенно удивившись Витькиным неприятностям.

Да, стряслось. Сцепился Виктор Гудимов с кем не надо. И выставили ему счет: три тонны баксов. «Пацан, правда, кричит, что сам разберется, но, Андрюха, ты же знаешь... а три

тонны нам не поднять! Хоть квартиру продавай! Витька – дурак, он доиграется, а у тебя же связи!»

– Хорошо, – сказал Ласковин. – Вечером приеду.

– А сейчас никак? – Голос у Мишки прямо больной. – Сейчас никак, Андрей, а?

– Что, – спросил Ласковин, – вечером поздно будет?

– Угу.

«Да, брат, – сказал сам себе Ласковин. – Если направил человека – отвечаешь». Так Слава говорил. Вмешался в чужую жизнь – веди. И расхлебывай.

А он, Ласковин, вмешался. Хотя бы тем, что к Зимородинскому привел. Да и не в Витьке дело, а в том, что Михаил просит. А Михаил такой человек, которому отказать нельзя. Потому что сам никогда не откажет.

– Ладно, – буркнул Андрей. – Еду.

– Митяй, – сказал он, выйдя, своему другу-напарнику. – У меня проблемы. Управишься сам? Или, хочешь, я с Шестом договорюсь?

– Обойдемся. – Николай похлопал Ласковина по руке. – Тебе-то помощь не требуется?

– Пока нет.

– Подбросить?

– Спасибо, я на своей!

Ласковин сел в свою «шестерку», «жигуленку-сестренку» (любил свою машину, берег и холил, как мог), дал двигателю немного разогреться и поехал на Кошевого к Гуди-

МОВЫМ.

История и впрямь оказалась скверная.

Началось с того, что Гудимову-младшему дали по роже. Ни за что ни про что, как он утверждал. Шел себе спокойно по улице – навстречу три качка. И крайний так, мимоходом, ткнул Витьке в зубы. И дальше пошел. Психология у качка простая: идет какой-то киздюк, смотрит нагло... В рыло ему, чтоб скромнее был!

Витька скромнее не стал. Тычок ему этот, безвредный, воспитательный, – как мулета для быка. То есть сначала он слегка обалдел, а потом разогнался, каратэк хренов, и вцепил обидчику май-тоби гери, то бишь удар ногой вперед в прыжке, по почкам. Положил, естественно. Тут ведь особенного искусства не требуется. Ладно б, отомстил – и ноги! Так нет, вздумал крутизну свою показать, вякнул что-то вроде: «Ну, кто следующий, козлы?» Глупость – это болезнь, честное слово! Если уж решил разбираться со всеми, бил бы сразу, глядишь, и вырубил бы всех, пока расчухивались. Качки – они качки и есть. Пока раскачиваются, пока пиво в желудках взболтают, нормальный боец отлить успеет. Но Витька базаром своим бестолковым им фору дал. Очухались. А очухавшись, тут же взяли его в оборот. Да и с поправкой, что не прежние времена, когда у таких в активе руки-ноги да, может, нож самодельный. Теперь у каждого ствол, да не просто так – с лицензией. Взяли Витьку в оборот, и тут он, хоть и с опозданием, сообразил, чем пахнет, включился, в

линию их поставил (Слава Зимородинский если уж учит, так добротню), ближнему – сумку, как учили, – «На, – кричит, – лови!» Тот поймал. Кто не знает – всегда покупается. Витька ему по яйцам – и ходу. Второй шмальнул из газовика пару раз с нулевым результатом – и гуд бай, Америка! Гуд бай – то гуд бай, но сумка Витькина у них осталась. А в сумке – форма спортивная, кроссовки, бутылка «Аква» и... конспект Витькин по АСУ. Со всеми данными.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как парня вычислили!

Позвонили домой, попросили Витю. Трубку Михаил взял, а то сопляк так бы и молчал, пока голову не отрезали бы.

– С кем я говорю? – спрашивает.

– А я – с кем?

– С братом.

– Ах, с братом... Ну так вот, братан... – И сообщили про моральную компенсацию.

Андрей выслушал, помолчал (ну что тут скажешь?), похмурился. Витек держался героем. Прямо Иван-царевич перед решающей битвой. Как в известном анекдоте: подъезжает Иван-царевич к заветной пещере. «Выходи, – кричит, – Змей Горыныч! Выходи, биться будем!» В пещере молчат. Он еще раз. И еще. С третьего же раза отзывается Змей Горыныч. Не из пещеры, сверху. «Биться так биться! – отвечает. – Но зачем же в жопу-то кричать?»

Вот это Андрей ему и пересказал своими словами. И нази-

дательную историю присовокупил, с подробным описанием, что от героя остается, если его бензином sprysнуть и спичку бросить. А также напомнил, что не сирота Виктор Гудимов, что есть с кого спросить, если что не так.

Скис витязь. Притих. И это было хорошо. Если он, не дай Бог, еще раз захочет крутым себя показать – баксами уже не отделаешься.

Скис Иван-царевич. Но еще больше расстроился его старший брат: «Что же делать, Андрей? Подскажи, ты эту публику знаешь!»

Тут Михаил преувеличил. «Эту публику» Ласковин не знал и знать не желал. Его наняли – он работает. Сявки наедут – они с Митяем выжмут из них водичку и сушиться повесят. А там, где уровень повыше, Конь сам бороздит. Авторитет с авторитетом. Публика! Андрей вспомнил, как приехали за товаром в одну московскую фирму. Сели кофе попить (устали, ночь в дороге), а напротив шибздик сидит. Щеки до плеч, ростом Ласковину по плечо, Митяю – по пояс. Сидит, воки-токи из пиджачка торчит. Глядит на мир, как попутай с насеста. Митяй спрашивает: «Работаешь здесь?» – «Нет, – отвечает. – Я – бандит». Верней: «Я – Бандит!» Срань тараканья! Впрочем, жаль, что не все такие. Были бы все – проблем бы не было. Хотя и работы у Ласковина и Митяева – тоже.

«Так, – прикинул Андрей. – Шаг первый – перевести это дело с Витьки на себя!»

«Твои проблемы – мои проблемы!» – сказал в свое время господин Сипякин. Это к тому, что теперь Ласковин – не сам по себе человек, а его, Коня, работник. Значит, если кто ласковинскую «жигуленку» помнет и возмещения потребует, сразу же в поле зрения возникнет третья сторона, охранное бюро «Шлем». А также организация, которой охранное бюро регулярно платит членские взносы. Долю в общак, иными словами. «Твои проблемы – мои проблемы!» И это был не треп. Когда у Митяевой жены сумку в транспорте порезали, Конь в три дня все раскрутил и вернул: деньги, документы, даже сумку новую – в подарок. «„Шлем“ защитит от любых ударов судьбы!» – так написано в рекламе.

– Ладно, – сказал Ласковин. – Попробую помочь. Имей в виду, Мишок, заплатить, скорее всего, придется. Не три тонны, конечно, но придется. Когда срок?

– Сегодня, – ответил Гудимов. – В пять.

Андрей взглянул на часы: пятнадцать сорок шесть. Он позвонил на работу. Сипякина не было. Митяй тоже еще не вернулся. Плохо. С Конем лучше договариваться загодя.

– Значит, так, – сказал Андрей. – На стрелку с Витей пойду я. Попробуем разобраться спокойно. А ты без пятнадцати пять позвони мне на работу и спроси Митяева Николая. Расскажи все как есть и добавь, что я в это дело включился. Пусть с шефом от моего имени поговорит. Да, не забудь сказать, что брата твоего Виктором зовут. (У Коня к собственному имени слабость.) Теперь ты. – Ласковин повернулся к

младшему: – Оденься скромно, рот вообще не открывай, будут бить – терпи. Не дай тебе Бог еще раз руки распустить!

– Но я же прав, Андрей! – воскликнул Виктор. – Они же...

– Всё! – отрезал Ласковин. – Был бы ты неправ, меня бы здесь не было. Басню про волка и ягненка в школе читал?

Еще вопросы есть?

– Нет, сэмпай!

– Отбываем через десять минут.

От Олега Кошевого до Звездной – еще тот крюк.

Ласковин на всякий случай проявил осторожность: поставил машину не у самого метро, а напротив, по диагонали, во дворе. Сто метров пешком пройти не труд. Некрепкий морозец покалывал щеки. Начинало темнеть: дни в Петербурге зимой короче детских штанишек. Сбоку от метро – толпа на автобус. Пестрые, как елка в дурдоме, витрины киосков.

Гудимов-младший болтал непрерывно. Мандраж.

– Иди водички купи, – скомандовал Ласковин, останавливаясь слева от выхода из метро. А когда парень отчалил, Ласковин повел его взглядом: место людное, но при известном навыке человека можно из любой толпы вынуть. По-тихому. А уж перо вставить – это как пива попить в буфете Мариинского театра. Виктор вернулся через пару минут, принес две банки кока-колы.

– Пей! – распорядился Ласковин. Вторую банку он положил в карман: пригодится.

– Вот они, – сказал Виктор. – Из тачки выходят. Серый

«форд»!

Андрей медленно повернул голову. Серый «форд-сьера». Да, выходят. Четыре качка. Нет, четыре бывших качка, а теперь – говнодава. Это в смысле: пожрать от пуза, переболтать с коробкой пива и выдавить ясное дело что. В каждом – под сотню кило. Закрученные, как пороссячи хвостики. Та-ак, осмотрелись. Вернее, себя продемонстрировали. Пусть-ка ответчик сам подойдет. А не подойдет – сырым съедим!

– Пошли, что ли, сэмпай? – возбужденно проговорил «ответчик».

– погоди! – Андрей присматривался к припарковавшейся за «фордом» «девятке». Нет, вроде сама по себе.

– Ладно, пойдем. Слева от меня держись.

Заметили их шагов за десять. Как раз когда из метро народ повалил. Один из говнодавов пихнул другого, тот следующего, уставились. Все четверо. Андрей шел через толпу. Витек, как велено, держался слева, не отставал.

Четыре говнодава. Вернее, три говнодава. Четвертый – основательнее. Ладно, поглядим.

Один из говнодавов качнулся навстречу:

– Деньги принес?

– Здорово, – сказал Ласковин, останавливаясь в трех шагах. Виктор тоже остановился. Четко.

– Это что за фуффло? – процедил говнодав покрупней, пошевелил плечами.

– Грубишь? – бесстрастно проговорил Андрей. – Не надо.

Трудно будет.

– Тебе что, козел, сказано было? – зверея голосом, зарычал первый. – Где баксы, киздюк? – И потянулся лапой к Витькиному лицу.

Тот даже не шелохнулся. «Может, когда хочет», – одобрительно подумал Ласковин. Говнодаву же лапу придержал. Зафиксировал мягко, отвел, подзакрутив слегка кисть, и отпустил. Поздоровались.

Говнодав озадаченно посмотрел на Ласковина. Ростом Андрей уступал ему сантиметров пятнадцать, весом – на треть.

Свора оживилась, пришла в движение. Взяли в кольцо. Ласковин не мешал. С наскака его не возьмут, а стрелять здесь поостерегутся. Вон уже три мента, что у входа тусуются, поглядывать начали. Хотя менты могут быть и купленными, кто знает?

Кто-то из говнодавов проехался ладонями по ласковинской спине, по бокам: нет ли ствола за поясом? Другой ткнулся в карман, нащупал банку коки. Андрей руку стряхнул.

«Что там? Граната, что же еще! Ладно, постояли – и будет!»

Ласковин шагнул вправо и назад, подтолкнул, раззадоривая, того, кто слева. Тот попер навстречу, но ткнулся в приятеля. Андрей уже выскользнул из кольца. И Витек тоже. Хотя и не так аккуратно: работе с группой за год не научишься.

– Поговорим спокойно, – предложил Андрей. – Познакомимся...

– А пропеллер в жопу не хочешь? – буркнул тот, кого Ласковин толкнул. – Бабки давайте!

Андрей на него даже не поглядел. Он смотрел на четвертого. Такого же откормленного, но годков на пять постарше и более ухоженного: волосы подстрижены и уложены – прямо «Видал-Сосун»! Да, главный здесь он, «Сосун». Руки в карманах, глазки хоть и маленькие, но подвижные, без салыной пленки.

– Разобраться надо, – продолжил Ласковин. – Если придется – я отвечу (нажимая на «я»). Если придется...

– Крутой? – рявкнул говнодав покрупней. – Крутой, что ли?

– Как яйцо! – традиционно сострил другой, но «Сосун» их не поддержал.

– Есть и покруче, – намекнул Ласковин.

– Шумно здесь, – сказал «Сосун». Когда говорил, кадык его шевелился, как забравшийся под кожу огромный жук.

– Пойдем где потише, – согласился Андрей.

И Виктору: – Отойдем!

Самый крупный сунулся придержать, но Ласковин обогнул его, как снеговика.

– Минуту, – сказал он.

– Подождешь в машине, – негромко приказал он Гудимову-младшему. – Да иди поаккуратней, чтоб не засекли. Возь-

ми ключи. Молодец, хорошо держался.

– А ты? – спросил Виктор.

– А я... побеседую. Не беспокойся, это навоз. Противно, конечно, но неопасно.

– А второй? – спросил «Сосун» вернувшегося Ласковина.

– Ни к чему. Я его уже выслушал, – намекая на свою роль... арбитра, а не ответчика.

– Ладно, – легко согласился «Сосун». – Пусть пока погуляет.

Говнодавы переглянулись.

– Пошли! – Тот, что покрупней, подтолкнул Ласковина к машине. Но это не входило в планы Андрея.

– Лучше прогуляемся, – бросил он и, не дожидаясь ответа, быстро двинулся к переходу. Через Звездную на Пулковскую, набрав приличный темп, но периодически притормаживая, словно поджидая. Говнодавы, пыхтя, топали следом, оскальзываясь на заледенелом асфальте, приглушенно матерились. Андрей свернул налево, потом направо, между домами, обогнул трансформаторную будку и увидел перед собой заснеженные площадки заброшенного (ремонт, что ли?) детского садика. Ласковин перемахнул через оградку и остановился.

Сумерки. Засыпанная рыхлым серым снегом площадка. Руины «горки» – как скелет молодого динозавра. Покосившийся павильон. Рядок голых топольков вдоль металлического забора. Тихое, спокойное место.

Говнодавы штурмом преодолели заборчик и направились к нему, отдуваясь.

– Бегун, бля! Спортсмен! – буркнул один.

– Курить бросай! – посоветовал Ласковин. Возможно, это была ошибка. Потому что трое (исключая «Сосуна») тут же навалились на него. Да, в словесных играх с бандитами Ласковин был неопытен. Зато опытен в другой области. Бойцами говнодавы оказались никудышными. Хрип, сип, сопение. Могучие удары, пинки тяжелыми ботинками. Разохотились молодцы. Можно понять: один получил по почкам от сущего сопляка, второй – по самому дорогому, а тут еще этот «разводящий» устроил вместо денег забег на триста метров. Андрей почти не блокировал, в основном уклонялся. И не забывал поглядывать на четвертого. Тот наблюдал.

«Хорошо бы у кого нунчаки оказались, – подумал Ласковин. – Отнять раз плюнуть, а психологический эффект потрясающий!» Но вместо нунчаку один достал кастет. С кастетом или без, попасть он мог скорее по кому-нибудь из своих, чем по Ласковину. Андрей водил их по пятаку размером примерно шесть на шесть, спутывал друг с другом нырками и уходами за спину и все время «держал» четвертого. Но тот по-прежнему не вмешивался.

Минут через пять щенячьей возни, плотно утопав снег, говнодавы притомились и остановились. Один потирал кисть, остальные – без повреждений.

– Вам бы ковры выбивать, – «определил» Андрей.

– Что верно, то верно, – неожиданно поддержал его «Сосун».– А ты и впрямь крутой! Чей будешь?

– Свой! – отрезал Андрей.

Намек на дружелюбие тут же испарился из голоса «Сосуна».

– Я как чувствовал, – сказал он. – А вы: сами, сами! Топал бы он (кивок в сторону Ласковина) – и хрен с ним! Адрес нам известен. – И, поворачиваясь к Андрею: – Ладно, крутой! Добавишь от себя еще пятьсот!.. Спортсмен!

Говнодавы гыгыкнули.

Ласковин усмехнулся.

– Расценки у тебя, – сказал он, пряча руки в карманы.

Холодно все-таки, а он без перчаток. А что у вас там в кармашке? А у меня вот... скажем, граната Ф-1!

– Расценки у тебя... – Андрей согнал с лица улыбку: не шучу – предупреждаю! – Пинок под зад, если на троих разделить, – по полтонны? И по висюлькам – еще по столько же? Этак как бы мне на лимон зелеными не накрутить... прямо здесь!

Говнодавы заиграли мышцей, но то была бравада. Ласковина они уже попробовали и сообразили, что может быть больно. В жиденьких мозгах заплескались «прогрессивные» мысли: обрызгать «спортсмена» «паралитиком» и втоптать в снежок толстокожими бутсами.

У «Сосуна» аналогичная мысль тоже мелькнула, кадык задвигался вверх-вниз.

«А что у вас там в кармане?» «А у меня пистолетик бельгийский...» «А у меня гранатка такая крупненькая. Осколочная, противопехотная, радиус разлета... пены три четверти метра!»

– Борзой,– почти ласково произнес «Сосун»,– думаешь, мы сами по себе?

– А что, есть другое мнение? – усмехнулся Ласковин.

– Ты про Гришавина слышал?

– Гришавина? Что ж, слышал про такую... тусовку. Только ты при чем? У серьезной команды и командиры серьезные!

– Думаешь, на понт тебя беру?

Андрей шевельнул плечами. Он не сомневался, что «Сосун» не врет. Но был уверен, что и он, и говнодавы где-то в самом низу иерархии. Конь с ними разберется.

Ласковин медленно (а то как бы с испуга стрелять не начали!) вынул руку из бокового кармана, полез за пазуху, достал визитку, из тех, коими Сипякин снабжал своих, чтобы сыпали вокруг, как репейник – колючки.

«Охранное бюро „Шлем“». Защита... обеспечение... Дорогие, тисненные, под пленкой, прямоугольнички. Достал, выщелкнул под ноги «Сосуну».

– Думаю так,– сказал он.– О том, что пацан-студентик трем героям киздюлей навешал, лучше умолчать. А то... уволят по профнепригодности!

А со мной... договоримся. Увидимся, парни!

И, повернувшись, не спеша зашагал к воротцам садика.

Спина его выражала абсолютную уверенность, но сам Ласковин был начеку, и слух его ловил каждый звук: взвизг растегиваемой молнии, щелчок предохранителя?

Но Андрею дали уйти без помех.

Сделав для надежности крюк, он вернулся к оставленной машине.

– Ну что? – спросил испереживавшийся Виктор. Андрей не удержался, чтобы немножко его не потомить: вынул из-под сиденья магнитолу, воткнул на место (оставлять «Пионер» на виду – искушать судьбу: молотком по стеклу, магнитолу вон – и пусть истошный вопль сигнализации рвет уши владельца), поставил кассетку «Магнитные поля», распечатал банку «коки», отхлебнул.

– Хочешь? – предложил Виктору.

– Все в порядке, да?

– Пей. Не то чтобы в порядке, но теперь они будут заняты мной!

– А ты... справишься?

Андрей испытал удовольствие, услышав в голосе парня беспокойство не о себе, а о нем, Ласковине.

– Справлюсь! – Приятно чувствовать себя сильным. Приятно использовать свою силу, чтобы сделать мир более справедливым.

«Тщеславие, – вспомнил Ласковин, – враг воина!» Так говорил Зимородинский, а он ничего не говорил зря.

– Поехали, – сказал он, берясь за руль.

– Куда?

– Домой тебя отвезу, куда еще? – усмехнулся Андрей.– Сдам с рук на руки.

Что он и сделал. А на обратном пути позвонил Леноре, изящной куколке-полукорейянке, классной массажистке. Андрей познакомился с ней в зале на Комсомола. По крайней мере треть подружек оказывались в его записной книжке именно таким образом. Хотя бывшую свою жену он встретил на презентации фирмы «Тошиба».

Андрей лежал на животе, а на нем в позе всадницы-амазонки в белой мужской рубашке с короткими рукавами расположилась Ленорочка Цой. Массаж она делала весьма квалифицированно и очень старательно. Кожа блестела, а рубашка намокла от пота. Массаж – это тяжелый физический труд. Фоном побрякивала музыка. Китайская.

– А у нас вчера твой учитель был, Зимородинский, – сказала Ленора.– Дома.

– И что?

– Читали Книгу Перемен. По-китайски.

– В первый раз слышу, что Слава знает китайский, – сказал Ласковин.

– Не он. Дедушка знает! – она с силой ввинтила сустав согнутого пальца в спину Андрея.– Он переводил.

– И как?

– Спорили. Тебе не больно, когда я вот так нажимаю?

– Больно, – равнодушно ответил Ласковин.– Это плохо?

– Плохо, если не больно. Ты должен говорить.

– Понял. Буду говорить. Так о чем они спорили?

– Да разве поймешь. Вы, мужчины, такие умные,– Ленора хихикнула.– Перевернись,– велела она. Взяла полотенце и вытерла лицо.

– Положи под голову руки.

– Что-то сегодня долго,– сказал Ласковин. Мысли его были наполовину заняты грядущими разборками.

– Долго, зато полезно. Очень важный курс заканчиваем.

– Да ну? А я не знал, что у нас – курс. И какой же?

– Регенерация и укрепление костей.

– Закончим – и я тебя больше не увижу? – Ласковин улыбнулся.– Ленорочка, ты шутишь!

– Почему – не увидишь? Через три месяца новый курс начнем,– последовал ответ.

– А завтра можно?

– Нельзя. Через месяц можно. Но я в Германию уезжаю. Мне твой друг обещал паспорт сделать.

– Какой друг?

– Николай. Сделает?

– Обещал – сделает.

«Ай да Митяй! Везде поспел!» – подумал Андрей.

– Но спать с ним я не буду,– строго произнесла Ленора.– У него су-ок плохой.

– Чего-о?

– Су-ок. Не понимаю,– сказала она рассудительно,– поче-

му вы – друзья. Он совершенно неинтересный человек.

– Мы с ним вместе выросли, солнышко. В одном роддоме родились с разницей в месяц, в одной квартире жили, учились в одной школе и даже в одном детском саду в песочнице копались.

– Понимаю. Общая карма.

Андрей смотрел, как она трудится над его телом, разминает ему бедра, совершенно игнорируя гордое восстание плоти. Впрочем, при массаже это нормально. Андрей уже привык, а Ленора – вообще азиатская женщина. Все-таки потрясающая у нее фигурка.

– Мы с Колькой даже вместе в Политех поступили, – сказал он. – Только он ушел с третьего курса. Надоело. А я доучился.

– Должно быть наоборот. Он – Телец, а ты – Овен.

– И к Славе мы тоже вместе пришли.

– Слава сказал, ты был его лучшим учеником.

– Это он так шутит. Я ведь даже черный пояс не сделал.

– Он сказал: был. Раньше.

– Может быть, – Андрей немного обиделся.

Ленора снова потянулась за полотенцем. Вытерлась.

– Ноги раздвинь! – скомандовала она. – Зимородинский – совершенный человек.

– Ты так думаешь?

– Дедушка сказал.

Она сняла рубашку, скинула трусики и с тем же делови-

тым видом уселась Андрею на бедра

– Это что, тоже массаж? – Ласковин не шевелился, глядел на нее из-под прищуренных век.

– Тоже.

Выражение лица у девушки по прежнему не чувственное, а деловитое.

– Не двигайся. Дыши медленно.

Андрей закрыл глаза...

Спустя некоторое время Ленора поднялась, вытерлась.

– Сядь.

Она достала из шкатулки длинную полынную сигарету, зажгла, села у ног Андрея, поднесла к точке у колена Ласковина.

– А что еще говорил обо мне Слава? – спросил он.

– Ничего.

Андрей несколько минут молча смотрел на женщину у своих ног... Потом быстро наклонился, схватил тапочек и метнул его в выключатель. Свет погас, Ласковин сгреб Ленору в охапку и без всяких восточных изысков опрокинул на ковер...

Через полчаса они перебрались на кровать. Ленора зажгла ароматическую палочку, а Андрей подумал, что никогда не смог бы жить с такой женщиной. Слишком уж они разные. Жить – нет, а вот все остальное...

– Ну что, хороший у меня су-ок? – спросил он еще через час, наблюдая, как обернутая в купальное полотенце Лено-

рочка Цой раскладывает бутербродики по кругу микроволновой печи.

– Бывает и лучше.

Вот сюрприз. Неужели у малышки имеется чувство юмора? Жалко, что она уезжает. Можно было бы неплохо развлечься.

Андрей еще не знал, какие именно *развлечения* ему предстоят в ближайшем будущем. Не знал, что доживает последние часы своей *прежней* жизни. Что завтра утром его карма, или как там ее называют, совершит головокружительный кульбит и швырнет своего хозяина прямо в мясорубку.

Глава четвертая

– Опаздываешь,– укоризненно сказал Митяй, когда Ласковин явился в офис на следующее утро. И, потянув носом воздух: – Хорошие духи!

Нюх у Николая был лучше, чем у его жены. И это существенно облегчало обоим жизнь.

– Давай к шефу! Конь уже копыто сбил, тебя дожидаясь. Что-нибудь стряслось, Ласка?

Лаской, бойцовой кличкой, Митяй звал Андрея, только когда беспокоился за него. Лаской в свое время окрестил его Зимородинский. Не от «ласкать», а от крохотного хищника, способного разорвать горло куда более крупному зверю. Раз Митяй обеспокоен, значит, Конь уже в курсе событий.

Несмотря на ранний час, в офисе было всего человек пять: «привратник» Гена, «бумажный» курьер, секретарша Коня Фарида и бухгалтер Велена Петровна. Дверь в ее кабинет была закрыта, но слышно было, как попискивает компьютер. Трудится Велена Петровна, сушит липовый цвет для налоговой инспекции.

Из «агентов» – никого. Только Митяй. Впрочем, кто-то может бдеть в кабинете шефа.

Андрей постучал в массивную, с металлическими полосками сигнализации дверь.

– Ласковин? – рывкнули изнутри.– Давай входи!

Шеф был один. Если не считать Абрека. Но тот – это тень Сипякина. Довольно мясистая, впрочем, тень.

Конь изо всех сил изображал недовольство, но Ласковин по еле уловимым признакам понял, что Сипякин скорее задумчив, чем разгневан. Задумчивый Конь, впрочем, ничуть не лучше Коня сердитого. Задумчив Конь – жди любой пакости.

Ласковин стоял. Ждал. Конь демонстративно выдерживал паузу, глядя в окно. Что он там видел кроме белых жалюзи, оставалось загадкой.

Абрек развалился в кресле. Флегматичная рожа наемного убийцы на отдыхе. Когда Митяй сказал, что в этой куче мяса прячутся неплохие мозги, Ласковину поверилось с трудом. Но теперь он убедился, что внешность бывшего боксера и впрямь обманчива. Большая редкость для ветерана этого вида спорта.

– Сядь, – сухо сказал Сипякин и, отвернувшись от окна, уткнулся в бумагу.

Андрей сел, посмотрел на макушку шефа (реденький пух на розовой коже), потом на Абрека. Тот подмигнул: не дрейфь, парень!

Ласковин взял со стола красочный проспект фирмы «Экзотика-тур», изучил львиный прайд и флегматичного верблюда на фоне пирамид...

– Нарубил ты дров, Ласковин, – не поднимая головы, сказал Сипякин. – Не ожидал от тебя.

Андрей пожал плечами.

– Если вы о вчерашнем, Виктор Петрович,– произнес он,– то скорее из меня пытались наломать дров. Не знаю, что там наговорили. . .

– Заткнись! – рявкнул Сипякин.– Абрек, выйди!

Ласковин удивился. Удивился и сам Абрек, но тем не менее без звука покинул кабинет.

– Мне насрать,– все так же глядя в стол, произнес Сипякин.– Насрать, что там и как. Я тебя отмазал. Потому что ты – мой человек. Мой. Больше никаких разборок без моего ведома, ты понял меня?

– То есть проблем с гришавинскими у меня больше не будет? – хладнокровно поинтересовался Ласковин.

– Ты глухой? Я сказал – всё! «Тобольцы» о тебе забыли!

– Спасибо, шеф! – искренне поблагодарил Андрей.– Я перед вами в долгу!

– Еще в каком,– пробурчал Сипякин.– Всё. Отправляйся. Через час поедете с Митяевым в Пушкин. За наличкой. Митяев знает куда.

Ласковин вышел из кабинета, чувствуя внутри необъяснимое беспокойство. С чего бы это? Сказал же Конь: все урегулировано.

– Андрей! – окликнула его Фарида.– Шеф велел тебе лицензию на «газовик» оформить. Ты пистолет сам купишь или один из наших возьмешь?

– Обойдусь,– ответил Ласковин.– Стрелок из меня еще

тот.

– Так что, бумагу не оформлять?

– Оформляй, – сказал подошедший Митяев. – Стрелять я сам буду. Или лучше ты, Фаридушечка?

– Кот ты, Митяев, – беззлобно сказала Фарида и, бросив взгляд на Ласковина, разгладила язычком помаду на губах. – А еще женатый человек!

– Лось большой, – пробасил Николай. – Всем хватит! Пойдем, Андрюха, орешков поедим для восстановления сил.

– Так я бумагу оформляю? – крикнула вслед мужчинам Фарида. – Да?

– Да! Что у тебя там вспучилось? – спросил Митяй. – Расскажешь?

– Угу, – кивнул Андрей. – Только давай сначала чайку заварим. Пить хочется страшно, а времени у нас в обрез, верно?

– Времени у нас – море. Сорок пять минут, – возразил Митяй. – Хочешь, анекдот расскажу? Едут два ковбоя по прерии...

– Да знаю я его! – отмахнулся Ласковин.

– Жаль, – искренне огорчился Митяй. – А футбол вчера с бразильцами смотрел?

– Трахался я! – сказал Ласковин. – С корейцами!

– Это с Ленорочкой? Эх, я...

– Митяй, будь другом, помолчи пару минут! – взмолился Ласковин.

Андрею очень хотелось разобраться, что за заноза засела внутри и не давала успокоиться. Он ход за ходом восстановил в памяти свой разговор с шефом и решил, что причина тревожного сигнала может быть только одна. За всю их беседу Конь ни разу не посмотрел на Андрея.

Вечером Ласковин позвонил Гудимову.

– Все в порядке, – сообщил он. – Вопрос улажен.

– Да, спасибо, Андрей.

Голос у Мишки был странный, какой-то бесцветный. Ласковин насторожился.

– В чем дело, Михаил? – спросил он. – Я же сказал: все в порядке. Мой шеф рассосал конфликт.

– Я понял, – тем же «мертвым» голосом ответил его однокашник.

– Мишка? – снова, еще более обеспокоившись, спросил Андрей. – Что-то случилось?

– Виктор в больнице. В реанимации.

– Так, – сказал Ласковин севшим вдруг голосом. – Ясно... – И почувствовал, как потяжелели кисти рук. – Прости! – добавил, спохватившись.

– Ты пытался помочь, – сказал Гудимов. – Я же понимаю.

– Когда? – спросил Ласковин. – Когда его избивали?

– Машина, – сказал Михаил. – Его сбила машина.

– Да ты что? – воскликнул Андрей. – Вот непруха!

– Это не случайность, Андрей.

– Почему ты так думаешь?

– В больнице сказали: он был пьян.

Андрей молчал, и Гудимов продолжил:

– Меня дома не было. Мать сказала: звонили. Мужчина.

Витя ушел, сказал: скоро приду. А через полчаса позвонили из милиции.

– Как он?

– Плохо. Что-то с шеей. И почки. И перелом бедра.

– Миша, – спросил Ласковин, – машину видели? Чья она?

– Видели. Темные «Жигули» с белой дверью. Будут искать.

– Что значит темные? Черные? Серые?

– Андрей! Семь часов вечера было. Господи, да какая теперь разница? – В голосе Гудимова плеснулось отчаяние, но он тут же загнал его внутрь. – Извини, Андрей. Давай потом поговорим.

– Конечно, – спохватился Ласковин. – Завтра тебе позволю. Где он лежит?

– На Восстания. Это...

– Знаю. Пока, Миш. Мне очень жаль!

– Ты ни при чем, – сказал однокашник. – Пока. Я позволю сам, ладно?

– Звони, конечно!

Андрей положил трубку и сразу же начал обуваться. Через полчаса он остановил машину у дома, где жил Конь.

Виктор Петрович Сипякин владел просторной шестикомнатной квартирой на четвертом этаже.

С видом на Неву. Площадь ее была никак не меньше двухсот квадратных метров, а то, что половина окон выходила на Адмиралтейскую набережную, делало стоимость этих апартаментов невообразимой для среднего петербуржца. Андрей бывал здесь пару раз, и у него сложилось ощущение, что это не жилье, а банкетный зал. Впрочем, Сипякин жил здесь, и жил один, если не считать неотлучно находившегося при нем Абрека. Мысль о человеке, бродившем в полутьме по анфиладам четырехметровой высоты комнат, вызывала у Ласковина странные ассоциации.

Поднимаясь в непривычно чистом лифте (внизу сидел вахтер, на пару с кодовым замком отсекавший нежелательных посетителей), Ласковин глядел на себя в потемневшее от времени зеркало и думал о том, что скажет своему шефу. А что, собственно, он ему скажет?

Дверь открыл Абрек.

– Ты ко мне? – спросил он. – Или к нему?

– К нему, – ответил Ласковин, удивленный вопросом. Он знал, что телохранитель Коня ему симпатизирует, но не думал, что настолько.

– Петрович! – крикнул Абрек в пространство. – Ласковин пришел!

– Веди сюда, – донеслось из недр двухсотметровой квартиры.

Сейчас апартаменты Сипякина уже не были похожи на банкетный зал. Приглушенный свет в холле, зеркала, увеличивающие и без того просторную прихожую... Но одежда на вешалке, домашние тапочки... И тишина.

Конь смотрел видик в сравнительно небольшой комнате позади гостиной. Был он в пестром халате и меховых шлепанцах. По-домашнему. Смотрел мультики.

– Садись,– велел он удивленному тематической кассеты Ласковину.– Сюда садись, в кресло. Абрек, налей ему... Чего тебе налить?

– Я за рулем,– покачал головой Андрей.

– Херня,– отмахнулся Сипякин.– Сунешь ментяре полтинник...

– Ночь,– сказал Абрек.– Дороги скользкие. Снег.

– Так пусть остается! Ласковин, у меня останешься. Абрек девочек закажет. Эскорт, двести баксов штука, хорошо будет!

– Правда, оставайся,– пробасил Абрек, кладя на плечо Ласковину увесистую длань.– Раз Петрович расщедрился, крутанем его по полной, да?

Сипякин хохотнул.

– Угу,– сказал он.– Я для своих ничего не пожалею. А ты, Ласковин,– мой. Ты, Ласковин, крепкий мужик, я таких люблю!

– Да нет, спасибо, Виктор Петрович,– сухо сказал Андрей.– У меня большие неприятности, Виктор Петрович.

Абрек убрал руку с его плеча, но по-прежнему стоял сзади. Как ни странно, Ласковина это не нервировало, а скорее успокаивало.

– Херня! – Конь мотнул головой. – Я сказал – ты отмазан. Все. Конец.

– К сожалению, не все, Виктор Петрович, – возразил Андрей.

Сипякин повернулся к нему. «Выхлоп» у него уже был будь здоров, но Конь славился умением заглатывать спиртное, сохраняя ясность мыслей.

– Опять наехал кто? – осведомился он. – Кто, суки? Ты мне скажи! – поднапуская куража. —

Я им голову в жопу запихну!

– Не на меня, – покачал головой Ласковин. – Парень, который со мной был, в больнице. Машина сбила.

– Бывает, – отвернувшись, равнодушно изрек Сипякин. – Абрек, пивка мне налей. И выключи видак к екалой матери!

Что-то в его реакции показалось Андрею неестественным.

– Их машина! – с нажимом произнес Андрей.

Сипякин вновь повернулся к нему вместе с креслом (оно оказалось на колесиках), глянул холодными трезвыми глазами:

– И чего ты от меня хочешь?

Андрей ответил не сразу. Чего он, действительно, хочет от шефа? Справедливости?

– Справедливости! – ответил Андрей.

– Угу! – Конь взял из рук своего телохранителя высокий стакан с пенной шапкой, отхлебнул.– Вот, значит, как. Справедливости? Ты, еш твою мать, ты чем недоволен? Тебя не тронут, понял? Не тронут! А за каждого мудака в городе я не отвечаю! Ты понял, Ласковин? Нет?

– Значит, помощи не будет? – спокойно спросил Андрей. Абрек сзади кашлянул.

– Мало я для тебя сделал, засранца?

– Петрович... – пробасил за спиной Абрек.

– Нет, не мало. Спасибо, – бесстрастно произнес Андрей.–

Где мне их найти?

– Думаешь, я знаю? – тоном ниже задал встречный вопрос

Сипякин. (Ласковин кивнул.)

– Хочешь сам разобраться?

– Да.

– Ну давай... разбирайся. Сам. Твое здоровье! – И одним глотком осушил стакан.– Киздец тебе, парень!

– Посмотрим, – сказал Андрей.– Так как насчет адреса?

– Выпить хочешь?

– Не хочу.

– Тогда будь здоров. Сам, Ласковин, это значит сам! Абрек, постой здесь, он сам дорогу найдет!

Андрей прошел через гостиную, через холл, освещенный дрожащими, имитирующими свечное пламя бра. Когда он уже готов был выйти, появился Абрек.

– Читай, – сказал телохранитель, держа перед ним бумаж-

ку с адресом.— Мастерская улица, знаешь где?

— Знаю.

— Запомнил?

— Да.

— Там двор за воротами. Увидишь. Он,— кивок в сторону гостиной,— ничего тебе не говорил. Усек?

— Да.

— Андрюха! — неожиданно теплым голосом сказал, нет, попросил Абрек.— Забей ты на это дело, не дури!

— Поздно уже,— сказал Ласковин. Абрек покачал массивной, похожей на кувалду головой тяжеловеса.

— Ладно, твое дело. Паспорт заграничный не потерял?

Месяц назад Ласковин с Митяем возили товар к «финикам», и обоим оформили открытую визу на полгода.

— Нет,— ответил Андрей,— спасибо!

— Было бы за что,— буркнул телохранитель.— Дурак ты, кореш. Будь здоров.

И буквально вытолкал Ласковина за дверь.

Андрей проехал по Гороховой до Загородного, оттуда — налево по Московскому. Вел он осторожно, потому что дорога была скользкой, а видимость — скверной из-за мелкого снега. В нутре теплого автомобильного салона он чувствовал себя, словно моллюск в раковине. Ласковин поставил «Шелковый путь» Китаро, старенькую кассету, подаренную Зимородинским семь лет назад. Спокойней. Еще спокойней.

Отрешаясь сознанием от будущего, отрешаясь сознанием от настоящего. Настоящий дзен, как говаривал Слава, нет прошлого, нет будущего... Всплыли из памяти чужие, азиатские земли. Один раз только и был... Настоящая Азия. Чужая земля...

Земля звонка, как тыквенное дно,
Дорога спит. Сухой и жаркий колос,
Вибрирующий вздыбившийся волос
Янтарной плотью впитывает зной.
Нагретый камень пахнет белизной,
Не свойственной безногим истуканам.
На скошенную лысину кургана
Садится кобчик. Мутный, слюдяной
Слой воздуха струится над дорогой,
Как марево. Отсюда до Европы —
Тридевять верст. Здесь красное вино
Из жил владык оплескивало глину
Щедрей дождя. Здесь, в небо запрокинув
Снопы бород, окрашенные хной,
Молились разноговорно и длинно,
Прижавшись трещинами губ к резной
Поверхности бесчисленных талисманов,
А зной пронзал и танские румяна,
И дымку пота над худой спиной
Ползущего разбойника...

Чертовски трудно представить такое в заснеженном Пи-

тере, но показалось вдруг, что плывут мимо окна серые песчаные барханы. Чужая земля...

«Хранить,— прозвучал где-то внутри странный, посторонний (будто и не собственная мысль) голос.— Хранить. Справедливость...»

...Весной

Здесь рай. Разводья неба. И тюльпаны.

И ветер Ворс земного океана

Рождает волны, как давным-давно —

Его живой предшественник. Здесь — дно.

Дорога спит. Молочное пятно

Окатанного камня — царским креслом.

И лежбищем отшельника. Здесь место,

Где цепь верблюдов с нежным полотном,

Раскачивая чашки колокольцев,

Плыла над пыльной кучкой богомольцев,

Обернутых в лиловое сукно...

Земля звонка, как тыквенное дно

Дорога спит.¹

Московские ворота возникли впереди, проплыли слева и исчезли во тьме. Занесенная снегом триумфальная арка...

Барханы исчезли. Дворники поскрипывали по стеклу, сметая ледяную пыль. Спокойней, еще спокойней. Сны, живущие внутри Ласковина, просились наружу. Страшные сны.

¹ Стихи автора

Иголки, покалывающие кожу на затылке. Электрический ток... ветер, подталкивающий вперед. «Ты не тот, кем кажешься,— сказал тогда его сэнсэй.— Кажешься самому себе!»

Вячеслав Зимородинский был единственным, кто знал настоящую причину. Настоящую причину, по которой Андрей остановился на лестнице. Между учеником и мастером. Кровь снилась Ласковину. Чужая кровь, смешавшаяся с его собственной. Да, он не тот, кем кажется. Поэтому сейчас едет к единственному человеку, который его поймет. При том, что сам он не понимает ничего, кроме «ты должен это сделать!» Чужая кровь, брызжущая из разорванной артерии... Там, в снах, он знал, что делает. А здесь?

«Я не буду убивать! — сказал он сам себе.— Я только верну долг!» Гири, говорят японцы. Груз обязательств.

Андрей выключил магнитофон и свернул направо, на Благодатную, а потом еще раз направо — во двор. Здесь он остановился, вытащил магнито-лу и спрятал под сиденье. Часы показывали 22.58. Поздновато, конечно, но Слава поймет.

Дверь открылась раньше, чем Ласковин нажал на кнопку звонка.

— Не шуми,— сказал Зимородинский, пропуская его внутрь.— Дашенька с хлопцами спят! Давай на кухню.

Слава усадил его за стол, налил плодового чаю и с невероятной быстротой изготовил несколько бутербродов. За ним было очень приятно наблюдать: Зимородинский двигался по

кухне так же, как на татами: быстро, легко, без единого лишнего движения. Мастер всегда мастер.

Только откусив от первого бутерброда, Андрей сообразил, насколько голоден.

– Лимонник? – спросил он, отхлебнув чай.

Зимородинский качнул головой:

– Не только.

Белый спортивный костюм подчеркивал смоляную черноту его волос и жестких, загибающихся к подбородку усов.

– Почувствовал, что я иду? – спросил Андрей.

– Проще.– Слава улыбнулся, и лицо его приобрело выражение Хитрого Лиса.– Увидел твою машину во дворе. Ты кушай, кушай! Сытый голодному не товарищ.

Мягкое «г», от которого Слава не избавился за годы жизни в Питере, загнутые книзу усы и эта хитрая улыбка сообщали всякому, что родился Слава намного южнее Северной столицы. Но лишь немногие знали – насколько южнее. В Питер Зимородинский действительно перебрался из Днепропетровска. Однако впервые увидел свет в Алжире. Оттуда – в Китай, из Китая – на Кубу, снова в Китай и только в двенадцать лет, после смерти отца, оказался на Украине. Впрочем, Зимородинский не скрывал, что к боевому искусству впервые приобщился не в буддийских храмах, а в областном городе Днепропетровске, когда его тренер по самбо вдруг увлекся каратэ-до. Там, на Украине, это было баловство. Мастерством он был обязан полутора годам армей-

ской службы, прожитым в деревянном бараке с шестью такими же сержантами-связистами и тремя вольнонаемными из местных. Один из последних, бурят по национальности, решил, что из младшего сержанта срочной службы выйдет неплохой ученик. После дембеля Слава не поехал домой, а остался там же еще на три года. Вернулся на Украину только тогда, когда его наставник решил, что обучение окончено. Спустя год Зимородинский занял первое место в своем весе на закрытом чемпионате в Таллине. И был замечен абсолютным чемпионом и одним из лучших каратекв страны. Спустя еще год Вячеслав Зимородинский переехал в Питер и получил первый дан. Его бурятский учитель данов не присваивал: есть мастер и есть ученик. И все остальное население земли. Прошел еще год – год расширения легализации и «спортизации» каратэ, и Совдеп скорчил очередную гримасу. Каратэ было запрещено, большой сэнсэй угодил за решетку (для повышения бойцовских качеств зэка, надо полагать), а сам Зимородинский, от греха подальше, вернулся на Украину. Но прошло всего два года – и он снова оказался в Питере. Этот город как наркотик. Его ядовитые испарения проникают в кровь, и избавиться от них можно разве что на солнечных берегах Калифорнии.

Таким был человек, ставший когда-то сэнсэем Андрея и по сей день остававшийся самым надежным его другом. Ласковин пришел к нему не за помощью: втягивать в свою борьбу человека с семьей, человека уязвимого, он бы усовестил-

ся. Ни Слава, ни Митяй в этом деле ему не соратники. Андрей пришел к Зимородинскому за пониманием, однако первый вопрос, который задал ему Слава, выслушав:

– Зачем это тебе?

– Я виноват, – сказал Андрей. – Парень пострадал из-за меня.

– С ним должно было случиться подобное, – возразил Зимородинский. – Я знаю Гудимова! Скорее уж я виноват, чем ты, раз не сумел научить его смирению. Ты хочешь ему помочь? Хочешь, чтоб я ему помог? Я помогу.

Это были не пустые слова. Методы Зимородинского были не менее эффективны, чем традиционная медицина. Особенно если дело касалось травм.

– Я помогу. Что еще?

– Еще я должен наказать этих!

– Андрей, – Зимородинский покачал головой, – разве ты можешь наказать всех? Волк хочет задрать овцу. Может ли глупый щенок помешать?

– Я не глупый щенок! – возразил Андрей. – Ты прекрасно знаешь!

– Это ты так считаешь. Ладно. Ты не щенок. Ты – тигр. Так вот, и тигр уступает стае диких собак. Вспомни Киплинга.

– Значит, ты считаешь, что я должен спасовать?

– Разве я так сказал?

– А разве нет?

Зимородинский засмеялся.

– Я спросил, – напомнил он, – зачем это тебе? Тебе, который уселся на обочине дороги только потому, что испугался собственной силы!

– Я не хочу убивать ради позолоченной медальки! – вспылил Ласковин.

– Вот! – с удовольствием сказал Зимородинский. – То, что требовалось! Только не кричи, пожалуйста, хлопцев разбудишь! Ты сказал: не хочу убивать ради позолоченной медальки. Разве я спорю? А теперь ты убивать готов. Ради чего?

– Не убивать... – буркнул Ласковин. – Драться.

Слава усмехнулся.

– Драться! – Андрей опять повысил голос, но вспомнил о спящих и добавил значительно тише: – Драться. Ради справедливости.

Слова показались истертыми, как коврик под дверью.

Зимородинский окинул ученика особым, «рассеянным» взглядом. Смотрел больше минуты, так что Андрею стало не по себе.

– Думаю, ты прав, – сказал он наконец. – Это твоя карма. И никуда тебе не деться. Жаль только, не я стану твоим проводником на этом пути. Могу, впрочем, дать несколько советов.

– Да? – Андрей машинально глотнул тепловатый чай. Это было не очень приятное чувство: видеть человека, знающего о тебе больше, чем ты сам. Зато было очень приятно слышать, что Зимородинский не считает его идиотом.

– Первое,– произнес сэнсэй.– Не важно, что ты делаешь. Не важно – зачем. Важно – как!

– Буддизм,– скептически улыбнулся Ласковин. И обнаружил, что хорошее настроение вернулось к нему.

– Скорее, Дао,– уточнил Зимородинский.– Может быть, тебе придется отнимать чужие жизни... Не спорь! Я сказал: может быть! Это не должно повиснуть на тебе. Теперь о конкретных действиях,– деловито продолжал он.– Как думаешь, когда в этом притоне на Мастерской будет больше всего людей?

– Вечером. Часов в семь. Но я не собираюсь тянуть до вечера...

– Зря. Как ты помнишь, воин сам должен выбирать время и место боя. Учитывая эффект неожиданности и собственную готовность. Тебе нужно время, чтобы подготовить свой дух. И чтобы подготовить возможные пути отхода. Ты не можешь выбрать благоприятное место атаки, но иметь выбор в отступлении ты можешь. Это главное. Атаковать ты сумеешь, но потом последует ответ, и это будет намного опаснее.

– Да, понимаю,– сказал Андрей, хотя, честно говоря, до сих пор не рассматривал будущее с этой точки зрения.

– Если ответный удар тебя уничтожит, твоя... акция справедливости будет иметь обратный эффект,– заметил Зимородинский.

– Я думаю, что сумею как-то сориентироваться,– сказал Андрей.

– Твой недостаток! – Зимородинский поднял палец. – Ты солдат, а не полководец. В любом случае я советую выбрать именно семь вечера!

– Почему?

– Максимальное число противников. Психологически это тебе на руку. Им это даст ложную уверенность в себе, а тебе – наилучший пост-эффект. Кроме того, вечером рефлексy обычного человека притупляются. Кое-кто будет пьян или курнет травки. Работать с неподготовленной, расслабленной, дезориентированной группой проще, чем с шестью-семью вооруженными, готовыми к схватке бойцами. В комнате, набитой народом, стрелять не станут. Сразу не станут, а потом ты уже наработаешь себе преимущество, психологический прессинг. Тебя начнут бояться. Сам ведь знаешь, что победить восьмерых иногда сложнее, чем восемнадцать. Андрей, я абсолютно уверен, что ты справишься с двумя дюжинами рэкетиров, если инициатива будет за тобой. Ты прекрасно работаешь с группой. Они «потеряют» тебя на первой же минуте.

– Как-то все просто у тебя выходит, – сказал Андрей.

– Просто, если ты ухитришься проникнуть внутрь без сопротивления. Вообще-то ты достаточно уязвим. Один точный выстрел – и все.

– Ты же сам учил меня уходить от ствола! – напомнил Ласковин.

– Я не учил тебя уходить от снайперской винтовки. Или

от газовой гранаты. Ты должен полагаться на чутье. Чутье на опасность. И ты разовьешь его. Или погибнешь. Подумай, какой шанс для шага вперед! – Зимородинский улыбнулся.

– Ты имеешь в виду, что, разгромив эту шарагу, я сделаю шаг вперед?

– Нет, сэмпай! Я говорю об охоте, которая начнется потом. Ты будешь сражаться не за медальку, а за свою жизнь. Это большая удача.

– А ты, – спросил Ласковин, спросил более резко, чем хотел, – ты сражался за свою жизнь?

– Было дело, – кивнул Зимородинский. – И научись обуздывать свой боевой дух. Это звучит парадоксально, но так. Дух воина толкает тебя вперед. Сейчас – тоже. Если он будет управлять тобой, а не наоборот – мы больше не увидимся.

– Значит, – Андрей не дал Зимородинскому сменить тему, – ты сражался за свою жизнь? И что же, тебе понравилось?

– Нет, – ответил Зимородинский. – Но, как видишь, я жив. Ты покушал?

– Да, спасибо.

– Тогда отправляйся домой. Через два часа будешь спать сном праведника, так что поторопись. Если прижмет – звони. Если прижмет по-настоящему.

– Спасибо, Слава. – Андрей поднялся. – Ты мне здорово помог!

– Я буду молиться за тебя... ученик! – серьезно сказал

Зимородинский.— Будь здоров, сэмпай! Когда мы увидимся снова, ты уже станешь мастером!

Примерно в то время, когда Андрей Ласковин покинул квартиру своего учителя, в загородном доме, удаленном примерно на пятьдесят километров от черты города, раздался телефонный звонок.

— Это Сипякин! — проворчало в трубке.— Хозяина позови!

— А... Конь,— отозвался мужской голос.— Занят он. Завтра звони!

— Занят? — недовольно произнес Сипякин.— Ну тогда... тогда передай ему, что тот, о ком мы говорили, ну, он знает, в общем...

— Я в курсе, Конь,— сказал мужской голос.— Короче!

— Ну так передай: мужик настроен серьезно, крепко завелся, пусть имеет в виду!

— Насколько крепко? — Собеседник Сипякина не скрывал насмешки.— Торчком? Ладно, Конь, мы имеем. Спасибо, что предупредил! — Мужчина на другом конце линии расхохотался и бросил трубку.

— Коз-зел! — злобно процедил Сипякин, услышав короткие гудки.— Ну что уставился? — рыкнул он на телохранителя, кривящего губы.

— Подставляешь своего! — сказал Абрек, выдвинув вперед и без того внушительную челюсть.

— Заткни пасть! — рявкнул Сипякин, закашлялся, схватил

бутыль «Смирнофф», налил полстакана и разом выплеснул в глотку. Руки у него тряслись.

– Какой он тебе свой,– уже спокойнее продолжал Конь.– Фраер он!

– Жалеть будешь,– негромко произнес Абрек.

– Хорош целку строить! – сердито бросил Сипякин.– Я тоже рискую! Все мы рискуем!

– Все,– согласился телохранитель.– Только ты жопу свою в кресле прячешь и подняться надеешься. А парня так и так в парашу спустят!

– Потому что мудак!

– Потому что честный! – возразил телохранитель.– А ты, Петрович, честных не любишь!

– Я преданных люблю! – закричал Сипякин.– Преданных! Вроде тебя, кабан! Кончай базар! И позвони этой, Мануэли, пусть приедет! Ездаться хочу!

– Хрен там,– сказал Абрек.– Мандраж у тебя. Не телка тебе нужна, а седуксен.

Сипякин хрюкнул.

– Глянешь на тебя,– сказал он,– говядины кусок! Зачем такой елде мозги, Абрек?

– Узнаешь. Когда Крепленный тебя раком поставит!

– Хер! – закричал Сипякин.– Хер он узнает! А узнает – так Тошка меня покроет!

– Угу. Во всех смыслах. Звонить бляди или передумал?

– Не звони. Не хрен баксы тратить. Налей мне стопарь и

пожрать принеси. Проголодался я! – Он откинулся в кресле, прижмурился.– Я, Абрек,– хозяин жизни! Мне хорошо кушать надо!

– Мандавошка ты,– проворчал телохранитель и отправился на кухню разогревать пиццу.

А шеф его тупо уставился в телевизор и долго не мог сообразить, куда пропал звук. Потом вспомнил, взял пульт, и комнату наполнил вой подраненного Хищника.

– Хер им,– пробурчал Сипякин, обращаясь сразу ко всему миру.– Хер им! Абрек, сука, я же сказал: стопарь налей! Боров егучий! – И потянулся к бутылки.

Глава пятая

Когда отец Ласковина, отбывая за кордон, по его просьбе поставил квартиру на охрану, он полагал, что сын будет жить с бабулей на Шпалерной. Благо места там хватит на пятерых. Но Ласковин-младший решил, что свобода должна быть полной. А тут еще подвернулись дальние родственники с просьбой сдать квартирку хорошему человеку, однокомнатную квартирку на Блюхера, неподалеку от авторынка.

«Сам буду жить», – сказал Андрей.

Он даже оформил все официально, на три года вперед, со страховкой. Квартирка была хоть и однокомнатная, но хорошей планировки, с балконом, со стоянкой прямо под окнами. И двор зеленый. Рядом парк, куда Маринка ходила улучшать цвет кожи. До того, как пристрастилась у бошей к соляриям.

Когда Ласковин проснулся от лучей позднего зимнего солнца, было уже около девяти. Постель его пахла леноринными духами, но самой корейночки не было, спал он один. Один – и никаких вурдалачьих снов! Что это, Славины травы? Или вчерашнее берсерково решение?

Первую половину дня Ласковин провел дома. Упражнялся, укреплял дух, думал. В основном, по совету Зимородинского, о том, что будет после его визита на Мастерскую. Бандитскую группировку можно было сравнить с очень круп-

ным, очень сильным и почти неуязвимым противником. Чтобы достать такого, надо выйти на дистанцию короткого эффективного удара. Лучше локтем, коленом. Роскошные киношные уромаваши в прыжке – они киношные и есть. На длинной дистанции у противника все преимущества: ноги у него длиннее, руки толще. Прорываться вплотную, атаковать, непрерывно атаковать, делая больно, раздражая, уходить, меняя направления, не давая себя схватить: ударил, ушел в сторону, отскочил, снова ударил. Организации нужно время, чтобы отреагировать. Она опережает одиночку не в быстроте, а в охвате пространства. Заранее подготовленными действиями. Банда – медлительный тяжеловес. Зверь, которому непривычно шнырять в траве, пытаюсь схватить крохотную ласку. Банда делает деньги. Если он выстоит некоторое время, выстоит и будет продолжать атаковать, банда поймет: дешевле его не трогать.

Тут Андрей почувствовал слабинку в своих рассуждениях. Дешевле ли? А престиж? У нас не Чикаго. Убытки? Начхать! Денег нет? Достанем! Киллеров нет? Найдем! Киллеров не киллеров, а если правде в глаза смотреть, у нас каждый десятый от семнадцати и старше соседа пришьет и не поморщится. Лишь бы за руку не схватили. За полбанки пришьет, за то, что баба у соседа сисястее, да просто так пришьет, достало все потому что! А уж за сотню зеленых – прямо-таки с наслаждением! Только и радости, что не киллеры они, а, так сказать, любители. Бутылкой по голове, стамеску в бок... Да,

любители... Вон в урне на Лиговке опять отрезанные руки нашли...

«Что-то я не о том,— постарался Ласковин упорядочить мысли.— Я не могу наказывать всех! Это Слава точно сказал. Задача поставлена. Работаем».

Первое: ему нужно укрытие. Квартира отпадает. И эта, и родительская, и тем более бабушкина. Вычислят на счет «раз». Друзья-подруги тоже отпадают. Дача? Далекое. Одну ночь можно поспать в машине. Потом рискованно. Мафия есть мафия. Сами не найдут — ГАИ подключат. Убежище... Стройка? Холодно, зима все-таки. Подвал? Чердак? Чердак лучше. В случае чего можно уйти по крыше. Да, чердак. И не один. В старых районах, недалеко от метро. Там, где темные проходняки и сросшиеся крыши. Этим он и займется попозже. Теперь... что взять? Туристский набор: спальник, фляга, фонарь, аптечка обязательно, манерка, спиртовка, две смены белья. Хватит на первое время, а потом прикупить можно. Бритва, зубная щетка, нитки, складной нож, веревка... Ладно, если что и пропустишь — не в лесу.

Следующий час Андрей укладывал вещи. Все они уместились в большую сумку. С трудом уместились.

Собравшись, Ласковин полежал полчаса, помедитировал. Затем поел и пошел одеваться. Уходя, оглядел напоследок комнату. Уютное местечко. Свободное. С тех пор как Маринка съехала и увезла три четверти барахла. Аппаратуру жалко, если разгромят, собственными руками собрана.

Остальное – наплевать. Застраховано. Ах да! Андрей открыл бар и взял две бутылки коньяка. Теперь всё.

Вышел он около двух, а к четырем уже нашел два подходящих чердака. Один – на улице Мира, второй – на Советской. Оба достаточно большие, с выходами на крышу, относительно теплые и сухие и при этом бомжами не освоенные. Подходы к каждому из подъездов – подворотнями, по неосвещенным дворам (специально проверил: никаких лампочек). Первой базой Андрей избрал тот, что на Петроградской. Немного поразмыслив, сделал еще один заезд в Апрашку: прикупил второй спальник, фонарь и прочий инвентарь. Уложился в сотню баксов, а удобство несомненное: пришел налегке – и ночуй спокойно. Имущество распихал по укромным углам, каких на чердаках изобилие.

Слегка перекусив, Ласковин двинулся на Мастерскую – вершить справедливость. Состояние у него было самое то. Голова пустая и спокойная, тело расслабленное, гибкое, как кнут.

Оставив машину на Декабристов, Андрей пешком добрался до Мастерской, миновал кафе, у входа в которое сгрудилось с полдюжины иномарок, и спустя пару минут оказался у нужного дома.

Железные раздвижные ворота перегораживали дворовую арку. В воротах калитка. Кнопочный замок. Очень эффективен против алкаша, спешащего поскорее опорожнить мочевой пузырь. Практически бесполезен против наблюдатель-

ного человека. Андрей немедленно определил три потерянные кнопки. Звонка не было.

Пока Ласковин раздумывал, постучать или просто войти, сзади возник автомобиль и оглушительно взвыл сиреной. Андрей посторонился. БМВ пятой серии, темно-серый, гладкий, две «ноздри» радиатора угрожающе наведены на Ласковина.

Ворота поехали в стороны, и Андрею открылся двор-колодец с полудюжиной припаркованных машин: от серебряного «мерса-родстера» до заляпанной грязью темно-зеленой «восьмерки» с белыми дверцами. Возможно, той самой машины, что сбила Виктора.

«На ловца и зверь...» – подумал Ласковин и решительно шагнул вслед за БМВ в створ смыкающихся ворот.

Ого! Это посерьезней, чем кнопочный замок!

Молодой парень в бронежилете поверх мехового комбинезона выпрыгнул из застекленной будочки и преградил Ласковину путь.

– Не заблудился, друг?

Через его плечо Андрей увидел, как из БМВ выбрались двое и остановились, наблюдая.

– Нет, – спокойно ответил Ласковин. – Не заблудился. Долг пришел отдать.

– Хорошее дело, – кивнул парень в бронежилете и, отстегнув похожий на переносной телефон металлоиндикатор, бегом провел им вдоль тела Ласковина. Индикатор загудел два-

жды, и парень ощупал подозрительные места.

Один из приехавших на БМВ подошел поближе. Лицо у него было хмурое, как похмельное утро.

– Где-то я тебя видел, – проворчал он, недружелюбно оглядывая Ласковина.

– А я тебя – нет, – холодно ответил Андрей.

И, обращаясь к «вахтеру»: – Гришавин здесь?

– Гришавин? – Парень в бронежилете ухмыльнулся. – Эх губу раскатал! Желвак! – сказал он хмурому. – Проводи клиента. Или лучше дай ему деньги, – парень указал на хмурого, – он сам передаст!

– Нет уж! – отрезал Ласковин. – Пойдем... Желвак!

– Не веришь мне? – вскипая, подступил к нему нахмуренный. – А по ушам не хочешь?

Андрей стоял спокойно. Молча. Ждал. Нахмуренный давил глазами, но к более решительным действиям перейти не решался. Парень в бронежилете хлопнул его по спине.

– Уймись, – сказал он. И Андрею: – Ты его не бойся. Он смиренный! – И заржал.

– Может, хватит время тянуть? – негромко произнес Ласковин.

– Быстро только мухи толкутся! – сказал парень в бронежилете.

– Ладно, пойдем, фраерок, – буркнул Желвак и двинулся внутрь двора. Его напарник по БМВ пристроился позади: ни дать ни взять – конвой.

Этот «офис» выглядел так, как, должно быть, Зимний после вторжения большевиков. Только что на полу не насрано. Но запах был. Устойчивый «аромат», примешавшийся к вони «травы», табака, какой-то кислятины. Дорогая итальянская мебель (стандартный офисный набор) – в пятнах и порезах, на стенах – дешевые плакаты а-ля «Пентхауз».

Андрея отконвоировали и буквально втокнули в открытую дверь.

– Принимай гостя, Крепленный! – гаркнул Желвак. Ласковин оценил обстановку. В комнате примерно шесть на пять метров было человек пятнадцать. Все – мужчины до тридцати лет. Кроме одного. Этот постарше и одет иначе. Серенький костюмчик среди красных пиджаков и кожаных курток. Обстановка была «праздничная». Три стола завалены едой и уставлены банками и бутылками. Накурено так, что не топор – гильотину повесить можно.

«Плохо, – подумал Ласковин. – Дышать трудно будет. Впрочем, посмотрим!»

– Ты кого привел? – спросил тип в сером пиджаке.

– Сам пришел, Крепленный! – ответил Желвак. – Долг, сказал, принес!

– Долг? – У Крепленного было маленькое пожеванное личико и ровные крупные зубы. Явно искусственные. – Не знаю тебя, парень!

– Я его знаю! – прозвучал справа от Ласковина знакомый голос. «Видал-Сосун»!

– Тот самый, за кого с Конем базар был! – сообщил «Сосун».– Спортсмен, помнишь?

– А... – Крепленный тут же утратил к Андрею интерес.– Зря пришел. С тобой – в расчете. Колян, налей ему на ход ноги, и будь свободен!

Крепленный повернулся к крупному рыжему парню, взял его двумя пальцами за отворот куртки:

– Я тебя учу, Корвет, а ты мне благодарен будь...

– Ну въездил я ему в пятак, – сказал кто-то справа от Ласковина, – он – с копыт, чувиха – в визг, а кореш его бабки мне сует...

– Вот козел!

– Ну, я за дешевку...

– Я, слышь, баксы только для кабака держу, – сказали за спиной, – с прихода всегда ржавье покупаю, у меня в ломбарде...

– А он мне говорит: слышь, дырку проткну и волосину заправлю, слышь, сам, говорит, мне мудила один оформил, так теперь бабы спину в клочья рвут...

– На, дружбан! – Андрея толкнули под локоть.

Приземистый, поперек себя шире парень протягивал ему стакан. Простой граненый стакан, до половины налитый водкой. В другой руке – огурец. Как еще один палец, только темно-зеленый и не такой волосатый, как остальные.

«Забыли обо мне, – с холодной злостью подумал Ласковин. – Ну я вам напомним!»

Он взял стакан, подержал в руке, понюхал (хорошая водка, однако!)... и метнул в окно.

Раздался прозрачный звук разлетевшегося стекла.

– Ты, чмо, охренел?! – взвизгнул приземистый. Разговоры мгновенно оборвались. Вся кодла сомкнула взгляды на Ласковине.

Только «серый пиджак» продолжал что-то втолковывать рыжему, страшно недовольному мордовороту, тыча того пальцем в накачанную грудную мышцу.

– Долг есть долг, – веско в наступившей тишине произнес Андрей. – Надо возвращать!

– Ты зачем стекло разбил, придурок? – спросил «Видал Сосун», протискиваясь к Ласковину. – На хер сесть хочешь?

– Спокойна! – неожиданно вмешался Крепленный, втыкая в Андрея глазки-буравчики. – Ты о каком долге толкуешь? Своем? Или нашем?

– Быстро врубаешься! – одобрительно отозвался Ласковин. – О том самом! Кто из вас, киздюков, парня сбил? Ты? – Выпад правой рукой в сторону пробившегося-таки на свою голову «Сосуна», выпад и захват указательным и большим пальцами за прыгающий кадык. – Ты, пидор?

Говорить при таком захвате человек не может. «Сосуна» человеком можно было назвать с приличной натяжкой, тем не менее он тоже говорить не мог. Только вцепился левой рукой Андрею в запястье, а правой пытался достать до лица. Но промахивался: мешали соседи. Ласковин, впрочем, отве-

та «Сосуна» и не ждал. Просто хотел слегка подогреть компанию. И преуспел в этом.

Приземистый, тот, что подал стакан, немедленно пнул Андрея коленом в пах. Но не учел, что реакция у Ласковина лучше, техника – эффективней, а нога – немножечко длиннее. Получив тем же самым по тому же месту, приземистый Колян на некоторое время погрузился в собственные проблемы.

Пальцы Ласковина сжались на трахее «Сосуна» в полную силу, рывок – и еще одним игроком стало меньше. Приветив локтем в глаз третьего, Ласковин перемахнул через один из столов, классической серией цки успокоил еще двоих (надо меньше пить, ребятки!) и поддел ногой стол. Поток стекла, черной икры, бананов, грибов и колбас хлынул под ноги атакующим, и по ту сторону стола мгновенно образовалась куча-мала.

Зато с флангов на Ласковина одновременно ринулись человек десять.

Прямо перед Андреем была стена. Поэтому он не стал дожидаться, пока атакующие массы сомкнутся на его теле, а шагнув в сторону, ушел от хука справа и свинга слева (хорошая штука – бокс!). Длинным уширо-гери (ударом лошади, если верить переводу в самопальной распечатке восьмидесятых) размазал по чьей-то физиономии грязь, приставшую к рифленой подошве ботинка (не нравится? А ты как думал?), и в низкой стойке буквально вбуравился между нападавши-

ми. При этом голова Ласковина опустилась на полметра вниз и исчезла из поля зрения противника. Затем он практически доказал, что кулак ничем не уступает колену. Пара «бойцов» отключилась, заодно минимум на неделю избавившись от сексуальных потребностей.

Когда правая «волна» натолкнулась на левую, уже частично опавшую, Ласковин вынырнул из толчеи наружу...

И оказался один на один с рыжим мордovorотом, собеседником Крепленого, от которого немедленно получил ногой по ребрам. Крепко!

Ласковина отшвырнуло к стене, он выдохнул сквозь зубы, концентрируясь и подавляя боль. Мордovorот же послал ему вдогонку превосходный удар в голову и гияку-цки в подмышечную впадину. От первого Андрей уклонился, второй заблокировал шуто-уке, с огорчением обнаружив, что перед ним противник грамотный, спокойный, трезвый, к тому же Митяевой комплекции, то есть раза в полтора тяжелей Ласковина. Андрей выдал серию разнообразных ударов. Рыжий отбился с легкостью, главным образом потому, что Ласковин вынужден был «держаться» под наблюдением фланги и тыл. Дела его стремительно ухудшались. Рыжий давил массой, бил длинные прямые ногами, уже не чтобы достать – чтоб смять, загнать в угол, зажать окончательно. Рывок вперед был рискован: рыжий держал средние удары, как бетонная стена, не замечая. Ласковин попробовал, потерял пару драгоценных секунд, а на третьей оказался втиснут между сто-

лом и сейфом. Стул, которым (используя подручные предметы!) Андрей попытался отделить себя от противника, был превращен в мусор одним-единственным ударом, следующий удар мог бы «развалить» самого Ласковина, не присядь он и не поймай ногу противника. Поймать-то он поймал, но удержать ее и провести бросок оказалось не по силам: рыжий был слишком тяжел. Ласковин выпустил ногу... и в это время какой-то «расторопный» бандит попытался достать его через стол бутылкой «Абсолюта». Крайне удачно! Ласковин тут же поймал бутылку, дернул – и «боец», в силу природной привычки не пожелавший с ней расстаться, опрокинулся на стол, откуда Ласковин, схватив бандита за шиворот, отправил под ноги рыжему. Выигранный миг он использовал, чтобы перемахнуть через стол и опрокинуть его вместе с гешефтом на спину так вовремя вклинившегося «бойца». Рыжий завяз в обломках и объедках и был временно отодвинут на второй план.

К этому времени комната превратилась в полноценный бардак. Шум стоял такой, словно дюжина разъяренных шлюх громила собачью площадку. Примерно четверть игроков отбыла в аут. Еще четверть могла принимать участие лишь в вокальной составляющей игры. Половина оставшихся занялась общением друг с другом. На десятке игроков были такие же кожаные куртки, как на Ласковине, а лица после второго-третьего стакана имеют свойство становиться очень похожими. Учитывая же, что самые приткие постара-

лись принять участие в первом раунде и получили по полной миске, на ногах должны были остаться те, кто попроще.

К сожалению, это было правильным лишь в целом. Кое-кто из «ведущих» оставался. Например, рыжий.

С легкостью опрокинув еще пару человек, Ласковин ринулся к дверям. Да, он хотел навести шухер – и навел. Теперь пора сваливать. Кто-то вцепился Андрею в рукав. Он отшвырнул «довесок» резким поворотом, боковым зрением поймал рыжего громилу – в опасной близости, позади, но дверь была – вот она. Ласковин сделал последний рывок через скопление тел... и наткнулся на черный змеиный глаз пистолета!

Рефлекс сработал быстрее, чем Ласковин сообразил, что произошло. Достать целившегося Андрей не мог, поэтому мгновенно упал ничком, лицом в чью-то костлявую спину. Счастливый обладатель огнестрельного оружия нажал на спуск на четверть секунды позднее. Над головой Ласковина раздался оглушительный хлопок.

– Не стрелять, бляди! – завопил кто-то, скорее всего Крепленый.

Но хозяин пистолета ухитрился еще два раза нажать на спуск и скосил, вернее, сдул, поскольку пистолет был газовым, всех, кто имел несчастье оказаться у Ласковина за спиной. В том числе и рыжего, который, фонтанируя слезами и соплями, навалился на последний устоявший в баталии стол, шаря перед собой в поисках чего-то, способного промыть

глаза.

Андрей, привстав, как спринтер в низком старте, приготовился, сбив стрелка, прорваться к двери. Но нога, которой он оттолкнулся от пола, поскользнулась, и вместо броска вперед получился нелепый скок на четвереньках. Снова грохнул выстрел. На этот раз в противоположном конце комнаты. Великолепный светильник из немецкого стекла разлетелся вдребезги, осыпав спину Ласковина дождем осколков.

Стрелок в дверях по собственной инициативе повалился на пол. Очень неудачно, потому что подпер своей внушительной тушей отпиравшуюся внутрь дверь. Следующая пуля раздробила паркет в дециметре от Андрея. Он откатился в сторону, одновременно переворачиваясь, чтобы видеть стреляющего. Третья пуля опрокинула стул, за которым (неудачная мысль!) он собирался укрыться. Андрей метнулся назад, шлепнулся на живот, как больной тюлень, но избежал четвертой пули. А также пятой. Теперь Ласковин видел, что стреляет «серый пиджак». Крепленный. Пистолет он держал двумя руками и выглядел очень решительно. Между ним и катавшимся на полу Ласковиным уже образовался коридор. Даже полуживые при грохоте выстрелов инстинктивно расползлись поближе к стенам. Ласковин отследил указательный палец Крепленного, поймал его движение и сделал качок с колена в сторону, уходя с линии прицела. Но расстояние было слишком мало, Андрей еле дотянул: пуля пискнула у самого уха. Крепленный опустил ствол на пару сантиметров.

Естественно, попасть в туловище намного легче! Палец на спусковом крючке дернулся... выстрела не было! Ласковину понадобилось мгновение, чтобы понять это. Он увидел, как Крепленный, кривясь, лезет в карман пиджака, как рука его выныривает с новой обоймой...

Андрей вышел из ступора. Уши его все еще были «набиты ватой», и соображал он плохо. Но тело, поймав подсознательный приказ, метнулось вперед. Между ним и Крепленным было пустое пространство. Метров шесть. Андрей покрыл его в один двойной прыжок. Он успел увидеть, как Крепленный вставляет новую обойму (перекошенное лицо, трясущиеся руки), досылает патрон... Правая нога Андрея, ударившись об пол, толчком подбросила его вверх. Тело совершило полуповорот в воздухе, левая нога с отработанной четкостью «выстрелила» йоко-тоби-гери. Удар в грудь отбросил Крепленного к окну. Ласковин пришел полуметром дальше в четкую стойку красиво, как в кино. Последним упал пистолет. В кино Ласковин наверняка поймал бы его на лету, но в жизни он подхватил его с пола. Пистолет оказался совсем маленьким. В руках у Крепленного он выглядел куда массивнее. Однако, когда Андрей выставил его перед собой, ни один из «тобольцев» не выказал желания продолжать заварушку. Хотя наверняка двое из трех были при оружии. Психологический фактор! Ведя пистолетом слева направо, Ласковин прошествовал к двери, пнул залегшего у порога стрелка № 1 (тот с забавной поспешностью отполз в сторону) и выскочил в

коридор. Будь это кино, в коридоре Ласковина подстерегал бы новый враг. Но жизнь имеет свои преимущества: коридор оказался пуст.

На соревнованиях по стрельбе в цель из незнакомого оружия Ласковин мог бы уверенно претендовать на последнее место. Знай об этом оставшиеся в комнате, вряд ли Андрею удалось бы так запросто уйти. Но – психология! Крутой всегда крутой. И с оружием, и с собственными руками-ногами. Зато сам Ласковин очень хорошо знал о своих возможностях. И так же хорошо помнил о парне в бронежилете. Поэтому он устремился не к известному выходу, а в противоположный конец коридора. Ткнувшись пару раз в двери (пустые комнаты, зарешеченные окна), Андрей свернул за угол и обнаружил в пяти шагах выход. Условный выход.

Могучая железная дверь с еще более могучим электронным замком. Слева, на турели, монитор, в инфракрасном диапазоне демонстрирующий ту же самую дверь, но уже с другой стороны. Со стороны маленького тихого дворика с тремя чахлыми деревцами за низенькой оградкой.

С электроникой Ласковин был знаком лучше, чем со стрелковым оружием. Чтобы «вскрыть» такой замок, все равно снаружи или изнутри, потребовался бы не один час. Если не знаешь кода. Часа у него не было. Не было даже пары минут. Позади уже орала и топала башмаками воспрявшая команда. Андрей, ни на что особенно не рассчитывая, скользнул взглядом по индикаторной полоске замка

и... Удача определенно была сегодня с ним! По двадцати-знаковому экранчику бежали крохотные букочки: «ореп... ореп...» Ласковин прижал палец к сенсорной пластине, внутри замка что-то зажужжало, потом загудело, как сытая пчела, и наконец щелкнуло. Ласковин толкнул дверь и оказался на свободе. Свободе, впрочем, относительной. Маленький дворик, освещенный только светом из выходящих на него окон. Скользя и спотыкаясь, Ласковин припустил направо вдоль стены и через полминуты услышал, как загомонили вывалившие на свежий воздух «тобольцы». Впрочем, у темноты есть не только недостатки, но и преимущества. Ласковин почти ничего не видел, но и его тоже не видели. Нога Андрея с хрустом проломила лед и по щиколотку погрузилась в воду. Ледяные струйки устремились в ботинок. Ласковин с трудом удержал равновесие и зашипел от боли в боку, куда пришелся удар рыжего. Черт! Плохо, если сломано ребро! Недостреленным зайцем Андрей пробороздил покрытый ледяной коркой сугроб, обогнул занесенную снегом автомашину и увидел впереди черный зев подворотни. Неровным скоком он устремился туда, навстречу блеклой лампочке, хрустя замерзшим мусором, размахивая руками (в правой зажат пистолет!), выскочил... в соседний двор. Как-то женщина с воплем шарахнулась в сторону, лохматая собачонка размером с трехлитровый термос окатила Андрея визгливым тьяканьем. Затылком чувствуя дыхание погони, Ласковин припустил напрямик, по снегу, через голые прутья

кустов... и вырвался! На Мастерскую! В тридцати метрах от тех самых ворот. К счастью, ворота были закрыты. Ласковин спокойным шагом добрался до угла, свернул на Союза Печатников и, соскочив на проезжую часть, во весь дух ринулся вперед. Через пять минут он уже заводил машину, а когда доехал до Дворцовой набережной, то полностью успокоился. И решил, что первая часть акции завершена успешно и без потерь. Даже с приобретением: трофейный пистолет оттягивал карман куртки. Прикинув, что у него минимум час, Ласковин решил съездить домой. Что и сделал.

Смыв с себя пот и грязь, оценив и обработав незначительные (ребра оказались целыми) травмы, Ласковин переоделся в чистое, наскоро перекусил и, забрав с собой телефон (зачем облегчать жизнь незваным гостям?), запер дверь только на один замок (ригельный, что попроще) и вышел на улицу, провожаемый бесцветными глазками старушек, несших при свете уличного фонаря добровольную вахту на скамье у подъезда.

Сев в свою «жигуленку», Ласковин по привычке дал движку минут пять разогреться, потом отъехал, сделал круг и припарковался напротив, у детского садика. Отсюда с помощью купленного у алкаша на Владимирской бинокля Андрей мог контролировать собственный подъезд, не рискуя попасть на глаза кому не надо.

Спустя полчаса он увидел пресловутую «восьмерку» с белыми дверцами. Четверо крепышей выбрались из нее и уве-

ренно двинулись к цели мимо

сидящих рядом старушек. В прежние времена кто-нибудь из бабулек непременно поинтересовался бы, куда направляются «сынки». Теперь же вряд ли. Даже бабульки научились отличать бандитов от прочих обывателей. Минут через двадцать двое из четверки вышли обратно, сели в машину и уехали. Вопрос из викторины для младшеклассников: сколько «бойцов» осталось внутри?

Ласковин потрогал оттягивающий карман «вальтер». Не подняться ли наверх спросить: понравились ли гостям его видеокассеты? Нет, не стоит. Пальба в собственной, пусть и снятой, квартире – дурной тон. Да и бок разболелся. Разумней было бы сейчас ехать на Петроградскую, забраться в спальник и дать организму заслуженный отдых. Видит Бог, он его заработал. Так Ласковин и поступил.

А вот те, чье осиное гнездо он разворошил, бодрствовали. Хотя большинству из них отдых был необходим. И медицинская помощь тоже.

Вынесенный из разгромленной, выстуженной, провонявшей «слизняком» комнаты Крепленный пробыл в ауте еще минут десять. Очнувшись же, первым делом потребовал стакан водки. Закусив «укрепляющее» мятым помидором, Крепленный воспрял духом, некоторое время наблюдал, как «быки» ликвидируют разгром под присмотром рыжего Корвета. Затем поманил пальцем «Сосуна» и ушел в более теплое место. Там уже расположился освобожденный от об-

щественной работы лучший кореш Крепленого Валентин Пеньков, чаще называемый Чиркуном. С помощью пальца Пеньков занимался обследованием ротовой полости. Судя по невосторженному лицу Чиркуна, результат обследования был неутешительный: оицки у Ласковина был поставлен как надо.

– Ты (соответствующий эпитет)... – сказал Крепленный «Сосуну», – отвечаешь за этот беспредел! Ты (соответствующий эпитет) ответишь по полной программе!

– Почему я? – прохрипел «Сосун». – Пусть Конь отвечает! Это его придурок!

Конь (соответствующий эпитет) тоже ответит, внес ясность Крепленный. Не фошке ответит, а пахану. Он же (краткое описание будущих сексуальных пристрастий «Сосуна») придурка найдет и замочит. Хорошо бы выдать Спортсмену по полной, но он, Крепленный, сильно сомневается, что такому, как «Сосун», это удастся. Вкратце так: или он, «Сосун», не позднее чем завтра положит на стол уши придурка, или пусть кладет собственные уши. Все. Пошел вон.

– Думаешь, этот киздобол справится? – прервав стоматологические изыскания, спросил Чиркун.

– Где хаза его, он знает, – ответил Крепленный. – Поглядим. Если этот и впрямь придурок...

– А если нет? Если Конь его унавозил?

Крепленный усмехнулся и потер грудь там, где красным по белому отпечаталось твердое ребро подошвы ласковинского

ботинка.

– На хрен Коню выеживаться? – сказал он.– Гриша пернет – Коня сдует. Или Спортсмен болен головкой, или за ним кто-то авторитетный.

– Кто, «касимовские»? – предположил Пеньков.– Или это комитетские нас щупают? У них сейчас там всякие особые по организованной преступности...

– Меньше ящик смотри, – посоветовал Крепленный корешу.– Это у них там, а у нас здесь надо прикинуть, как эту парашу пахану поднести.

Глава шестая

Ночь Андрей проспал спокойно. Никто его не тревожил, если не считать кошек, устроивших спевку с танцами на просторах избранного Ласковиным чердака. Зато никаких ночных видений.

И никаких двуногих гостей. Утром бок почти не болел. Другие болячки, мелкие, вроде ссадин на голенях, следовало обработать, поэтому Ласковин, рискуя простудиться (на чердаке было никак не больше пяти градусов, пар изо рта шел), разделся донага и смазал, чем положено, синяки и царапины. Одевшись с быстротой первогодка, подбадриваемого ротным, Андрей разогрел на спиртовке воду, бросил растворимого кофе, добавил сахару и наконец смыл сиплый осадок в горле. Темный холодный чердак, запах сырости и пыли... Андрей некоторое время просидел на свернутом спальнике, пытаясь поднять себе настроение. Это было трудно. Может быть, имело смысл снять номер в какой-нибудь трехразрядной гостинице? Там хотя бы есть душ... Горячий душ! Может быть, он так и сделает... Попозже. Однако время шло, надо было действовать.

Оставив машину во дворе, Ласковин позавтракал в кафе на Кировском проспекте и на трамвайчике двинул на место вчерашних игр. Нет, он не собирался вторично громить «опорный пункт» «тобольцев» – это было бы самоубий-

ством. На сей раз он решил просто понаблюдать и заодно обдумать детали идейки, пришедшей в голову при взгляде на автозаправку. Просто и со вкусом. И не придется входить в непосредственное соприкосновение с противником.

Прикинув, какой из домов квартала самый высокий, Ласковин отыскал подъезд с окном, открывавшимся прямо на крышу. Передвигаться по обледеневшей, присыпанной снегом кровле было рискованно, но Андрей рискнул и спустя десять минут уже обозревал сверху замкнутый двор за железными воротами.

Первым делом он с помощью бинокля изучил и постарался запомнить стоявшие внутри машины. Их было девять: вчерашний БМВ, два «форда» – серая «сьерра» и голубой «скорпио», черный как ночь «джип-чероки», бежевая «девятка», серо-голубой «опель-вектра» и серебристо-белый двухместный «мерседес-родстер» с ободранным крылом. Еще там находились выдавший виды грузовичок «форд» и импортный микроавтобус. Вездесущей белодверной «восьмерки» не было, зато на пяти машинах Ласковин сумел разглядеть номера (хорошая вещь морской бинокль!) и записал их на всякий случай.

Часам к двенадцати большая часть машин разъехалась. Остались только «мерс», «опель» и голубой «форд-сьерра». Это что касается машин. Что касается людей, то вместо вчерашнего одного «вахтера» сегодня дежурили двое, причем вооружены они были автоматами. О прочих обитателях мож-

но было сказать, что они выглядели озабоченными.

Начавшийся снегопад вынудил Ласковина покинуть наблюдательный пост.

Впрочем, он увидел все, что хотел. В частности, то, что в середине дня изолированный двор практически безлюден, а оба сторожа сидят в стеклянной кабинке.

Спустившись, Ласковин пешком, чтобы размяться, прошелся до Театральной площади, где купил в киоске небольшой зонт, а по соседству – букет вялых гвоздик. Оснастившись подобным образом, он вернулся на Мастерскую и пристроился в подворотне напротив. Цветы объясняли, почему молодой человек толчется на одном месте, а зонт при необходимости скрывал лицо. Со временем он придумает более серьезную маскировку, а пока сойдет и это.

Около двух начали возвращаться работники криминального фронта. Теперь ворота открывались не сразу. Сначала из калитки появлялся один из «вахтеров», проверял, кто пожаловал. Да, основательно припугнул их Ласковин. Эх, самое время смотаться из города... на полгода. Долг он, можно считать, вернул. Дал понять, что наезд на, казалось бы, беззащитного человека может обернуться оч-чень неприятным образом. Да, пожалуй, в этом они в расчете. Но кто сказал, что Ласковин должен рассчитаться за одного Витьку Гудимова? Нет, это был не просто возврат долга. Это было то, что Зимородинский называл «вызов». Поэтому Андрей не уедет. И он будет бить до тех пор, пока противник

не попросит пощады. Или пока не доберется до самого Ласковина, что более вероятно. Но думать об этом не хотелось.

Андрей выбросил в урну цветы, сложил зонт, потому что снегопад кончился, и направился к площади Тургенева.

Андрей в прямом смысле этого слова наткнулся на него, не дойдя каких-нибудь десяти метров до угла Канонерской и Маклина. Задумался и не сразу опознал в парне, который очутился у него на дороге, приземистого Коляна. Наверное, Андрей вспомнил бы машину, но примелькавшаяся уже белая дверца была распахнута навстречу тому, кто подал вчера Ласковину стакан водки. Стакан, чей звон обозначил конец мирной жизни Андрея.

Приземистый «бычок», затарившись грудой черных и зеленых жестянок с пивом, пересекал тротуар прямо перед Ласковиным. И двигался так, словно других людей просто не существует. Ласковин же – существовал. И даже не подумал приостановиться, без всякого почтения оттолкнув низенького коренастого парня, «подрезавшего» ему дорогу. Тот от неожиданности выронил половину банок.

– Твою мать! – заорал он, глядя, как прыгают в грязи булькающие цилиндры.– Бля, мудаки!..– Тут он поднял глаза на Ласковина и замолчал. А потом выпустил и остальное пиво, чтобы танком ринуться на Андрея.

Ласковин рефлекторно ушел в сторону, пропустив «бычка» справа, и так же рефлекторно выбросил ногу. Колян, споткнувшись о его ботинок, плюхнулся в черную слякоть, про-

ехался по тротуару, гоня перед собой омерзительную волну, и с идеальной точностью вошел между ног дородной женщины в белой шубе с огромной сумкой в руке. Тут движение Приземистого завершилось, потому что женщина, ахнув, села ему на спину, а сумка ее, черный монстр на параличных от рождения колесиках, с маху обрушилась на затылок Коляна, вплющив его физиономию в зимний петербургский коктейль, ингредиентами которого были слякоть, жидкая грязь, песок, соль и немного собачьего дерьма в качестве специи.

Андрей был настолько заворожен этим зрелищем, что забыл о «бычках», сидевших в машине, и профукал момент, когда один из них, еще не зная, с кем имеет дело, выскочил наружу, размахнулся и без затей вlepил Ласковину по уху.

Удар отбросил Андрея назад, оглушил и едва не опрокинул на землю. Следующий удар разохотившегося «тобольца» мог бы разом завершить историю Ласковина, но вовремя подкатившаяся бандиту под ноги банка голландского пива испортила великолепный замах, и внушительный кулак впустую продырявил воздух. Ласковин, все еще «плывя», выбросил вперед зонт, угодивший в грудь нападавшего. От сотрясения зонт раскрылся, полностью перекрыв «тобольцу» обзор. Андрей же, малость очухавшись, пнул бандита в колено. Тот взвыл и схватился за пораженное место. Раскрытый зонт помешал Ласковину зафиксировать успех, зато боковым зрением он поймал третьего, заходящего слева. Этот появился на арене с небольшой задержкой не потому, что

правила жанра требовали строго поочередного нападения, а в силу специфики трехдверных автомобилей, с каждой стороны которых одновременно может выйти только один человек.

Поймав третьего, Ласковин выпустил зонт и вогнал правый каблук в пропитанную алкоголем печенку «быка», после чего точным ударом в висок уложил удальца в тот же слякотный коктейль.

Оставался еще один бандит, как раз в этот момент выбравшийся из машины. И он, единственный из всей компании, разглядел, с кем имеет честь, до начала боевых действий: то же лицо в том же обрамлении – три бойца, вырубленные за несколько секунд.

Четвертый не был героем. Нырнув обратно, он рванул с места, и «восьмерка», взмахнув дверцей, как подраненная птица – крылом, умчалась к заветному гнезду на Мастерской.

С глубочайшим удовлетворением Андрей вlepил оиц-ки в ухо второго, присоединив его к группе «купающихся». Именно в этот момент кто-то истошно завопил «Милиция!», а некий не в меру усердный дедок сделал попытку прихватить Ласковина за локоть. Андрей увернулся, шагнул к дородной даме, все еще восседавшей на приземистом Коляне, как Молла Насреддин на ишаке, и, подав руку, помог ей подняться. Потом поднял сумку (надо же, килограммов на двадцать, не меньше!) и протянул хозяйке.

– Спасибо, молодой человек! – поблагодарила дама и тут же испустила инфразвуковой вопль, увидев, во что превратилась ее шуба.

Продемонстрировав десятку собравшихся зевак, кто есть кто, Андрей поднял зонт, сложил его, стряхнул и, протиснувшись между прыщавым парнем и замотанной в тряпье бабкой, покинул сцену. Зрители не очень огорчились. Им осталась дюжина банок пива, полураздавленный Колян и пара его приятелей, художественно раскинувшихся в грязи.

Прыгнув в очень кстати подвернувшийся трамвай, Андрей доехал до площади Репина, перебрался через Фонтанку, по пути воткнув зонт в звено чугунной цепи на мосту, и, уже на углу Рижского и Старопетергофского поймав тачку, доехал до «Горьковской». По дороге обдумав случившееся, Андрей решил, что он болван. Но болван удачливый.

Оказавшись на Кировском, из первого же закрытого телефона-автомата Андрей позвонил в офис и, слегка изменив голос, попросил к телефону Абрека.

– Ласковин, – представился он, когда телохранитель шефа взял трубку. Он проигнорировал то, что телефон может прослушиваться. Кто, кроме бывших диссидентов, думает об этом в России?

– Ласковин! Что слышно в Датском королевстве?

– Что слышно? Слышно, братан! Хорошо слышно! Петрович с утра скулит в трубку. «Тобольцы» посулили ему крутой разбор, но он отбрехался, жучара! Кое-кто теперь у Коня

первый враг, усек? – И хохотнул.

– Усек, – сказал Ласковин. – Чего ржешь?

– А? Да тут он мне одну бумажку подsunул, еще одну бумажку, улавливаешь? Адреса кое-какие. Звякни мне вечером после девяти сюда, в контору, потрендим!

– Давай сейчас, – сказал Андрей. – У меня мобильника нет! – Перебросил трубку к другому уху и зашипел от боли.

– Ты что? – насторожился Абрек.

– Так, пустое. Давай диктуй.

– Нет, братан, извини. Сейчас нельзя, ушей много. Позвони вечером, как сможешь.

– Хрен с тобой! – буркнул Ласковин, убирая записную книжку.

– Дал ты им просрать, – произнес Абрек с неопределенной интонацией. – Свидимся – расскажешь?

– Когда свидимся?

– А вообще... Андрюха, ты, конечно, крутой, но валил бы к финикам! Или в Магадан. Хрен с ними, с адресами. Конь, он хитрожопый, а тебя убьют.

Я Гришку знаю. И Крепленого знаю. Братан на него ба-трачил, пока на зону не попал. Крепленный, он всех подымет, а тебя найдет. А найдет... не дай Бог. Вали, Андрюха, ты же им и так вставил по самый корень! Вали, не думай!

– Ладно, – ответил Ласковин. – За совет спасибо. Кончили разговор, Абрек. Вечером позвоню.

– Тупой ты, Ласковин, как баран! – сердито сказал тело-

хранитель и бросил трубку.

Андрей пожал плечами: этот человек был похож на водителя, одной ногой нажимающего одновременно на тормоз и на газ. Или это виртуоз, или у него с «крышей» не в порядке. Не с той «крышей», которая на джипах, а с той, которая может дать протечку в подсознание.

Впрочем, с протечками в подсознание у Андрея тоже был личный опыт. Вот уже десять с лишним лет внутри Андрея обитал некто отморозенный.

И только твердое сознательное желание гражданина Ласковина Андрея Александровича, двадцати девяти лет, обладателя диплома о высшем образовании, коричневого пояса каратэ-до и хорошего парня, держать этого, из подсознания, глубоко внутри, помогало вышеназванному гражданину избежать психушки. Но и вопреки этому желанию тот, второй, ухитрялся напоминать о себе ночными кошмарами... или совершенно нелогичными действиями. А может быть, Андрей с такой легкостью бросил на весы свою жизнь еще и потому, что догадывался: рано или поздно тот, из подсознания, выберется наружу, и тогда...

Первый раз это произошло двенадцать лет назад.

– Помягче работайте, помягче, – напутствовал их сэнсэй. – Не забывайте, что все мы в одной школе. Вот когда мы будем встречаться с Варамой...

А сейчас поаккуратнее. Техника, я хочу посмотреть вашу технику...

Это был Большой Сэнсэй. Зимородинский стоял рядом с ним. Непроницаемое лицо отощавшего Будды. Слава был кое-чем обязан говорившему, поэтому молчал. Нет, не поэтому, а потому, что говоривший был превосходным бойцом, хотя и иным, чем Вячеслав Зимородинский. Бойцом другого типа и стиля. Но бойцом Божьей милостью. Гением. А если ты гений, то можно остаться лучшим, даже если любишь водку, женщин и хорошие американские сигареты. И деньги. Да, можно оставаться великолепным мастером, но... как долго?

– Уровень чудан – легкий контакт, уровень джодан – легкий контакт маваша и уромаваша, все остальное только обозначать, обозначать, понятно?

Понять его можно. Если будут серьезные травмы, отвечает он, Большой Сэнсэй, глава школы, а не Зимородинский или нанесший травму ученик.

Андрей догадывался, о чем думает его учитель. И понимал, что Большой Сэнсэй беспокоится не зря. Группа Гриндина считалась жесткой. А технику Зимородинского вообще называли «реальной». Не дай Бог ученики начнут выяснять, чей стиль круче!

Школьный спортзал: шведская стенка, маты, разложенные вдоль стен, гимнастический инвентарь, сдвинутый в угол, пупырчатые баскетбольные мячи. Ни макивар, ни хитроумных тренажеров, ни манекенов. А также шлемов, накладок и прочего... Все это появится позже, намного позже.

Раз в месяц Большой Сэнсэй организовывал такие встречи внутри своей «системы» – недавняя легализация каратэ приносила свои плоды. Шестнадцатилетний Андрей Ласковин (пятьдесят девять килограммов, два с половиной года занятий, желтый пояс) участвовал в такой встрече второй раз.

В первый раз его противником был совсем еще новичок, и кумитэ прервали на второй минуте. За явным преимуществом.

Зимородинский сказал Андрею: не повезло. И пообещал в следующий раз выбрать Ласковину соперника сам.

Бой Ласковина был третьим по счету, причем первые два Андрея не заинтересовали: противники старались работать «правильно», вместо того чтобы победить. Наконец судья (тоже тренер одной из групп Большого Сэнсэя) объявил Ласковина и его соперника, чью фамилию Андрей не запомнил. Поднимаясь, Ласковин заметил, как Зимородинский наклонился к Большому Сэнсэю, что-то сказал, и тот, прервав разговор с одним из «гостей», взглянул на Андрея.

В шестнадцать лет Ласковин выглядел еще менее грозным, чем в двадцать девять. Худой паренек в черном выцветшем кимоно, чьи рукава и штанины казались слишком короткими.

Противник Андрея, тоже желтый пояс, пониже ростом, поплотнее и, по крайней мере, на три года старше, смотрелся серьезней. Ласковину запомнились его крепко сжатые губы и рыжеватые усики. Больше ничего.

Они обменялись несколькими атаками. Противник блокировал жестко, зло и все время пытался прорваться поближе. Для Ласковина это было не совсем привычной манерой. Как правило, он сам, будучи меньшего роста, рвался в ближний бой. Теперь же, когда оказалось, что его рабочая стойка ниже, а руки длиннее, Ласковину выгоднее было держать дистанцию.

Противник атаковал и приоткрылся. Андрей, блокировав, встретил его ударом в голову (не достал) и из-под руки правой ногой йоко-гери в живот. И почувствовал ребром стопы твердые мышцы пресса под тканью кимоно (слабый контакт, как и сказано). «Вазари! – крикнул судья.– Хадж-ме!»

К бою. Андрей ушел в заднюю стойку, уклоняясь от маваши в верхний уровень, встретил отводящим блоком второй маваши, отбросил ногу противника и, оказавшись у него за спиной, из хорошей стойки обозначил гияку-цки в затылок. Крика судьи он не услышал, потому что соперник (в реальной ситуации после удара Ласковина он уже валялся бы на полу), подсев на левую ногу, провел правой уро-маваши сбюку, пяткой, в переносицу Андрея.

Вспышка боли была как взрыв внутри головы: ослепляющий свет, темнота, и...

...в ноздри ударил отвратительный смрад. Вонь блевотины, экскрементов, паленого волоса и обгоревшего мяса. Потом возник грохот. Словно Андрей оказался в центре механического цеха: треск, лязг, звон. Крики людей и женский

визг, пронзительный, на одной ноте: «и-и-и!» Зрение вернулось, словно черную тряпку сорвали с глаз, – и сразу – режущая боль с правой стороны лба. Голова Андрея сама собой отдернулась, и он увидел металлическую полосу в бурых потоках в каких-нибудь десяти сантиметрах от глаз.

«Что это? Где я? – подумал он вдруг с нахлынувшим ужасом. Что со мной?»

А тело его продолжало поворачиваться, руки тянули что-то снизу, тянули так, что трещали мускулы. Ладони его ощущали нечто твердое, влажное, шершавое... Горячая жидкость залила правый глаз Андрея, и он перестал им видеть. Но левым разглядел в метре от себя жутко перекошенное грязное лицо с всклокоченными волосами. Низ этого лица был скрыт за куском деревянного забора. И забор этот начал подниматься вверх... Да, именно так, это не лицо опускалось, прячась, а пополз вверх именно этот кусок сколоченных вместе досок. В какой-то миг злоба в красных вытаращенных глазах прячущегося превратилась в ужас. Тело Андрея качнулось назад, вырвав вверх то, что тянули руки, – топор на длинной рукояти. Искривленное лезвие было красным, словно его окунули в алую масляную краску. Миг – руки Андрея ощутили болезненный толчок – и верхняя часть головы человека за щитом (то, что это щит, Ласковин понял намного позже), снесенная ударом, взлетела вверх...

И это было последнее, что он увидел. Левый глаз Андрея тоже ослеп, а еще через мгновение зрение вернулось...

...и он вновь оказался в спортивном зале, застывший, с соединенными в замок руками. Противника перед ним не было. Носа он тоже не чувствовал: нечто вроде бесформенного болевого сгустка. И еще: в зале было очень тихо.

Андрей расцепил руки (это оказалось непросто: пальцы словно окаменели) и сделал шаг вперед. Нога его задела что-то мягкое...

Его противник лежал на полу, и волосы на его голове, справа, были в крови.

К Ласковину подскочил судья, схватил его за руку, но рядом тут же возник Зимородинский, грубо оттолкнул судью и повел Андрея в угол, к сложенным стопкой матам. Ласковин оглянулся и увидел кучу учеников, столпившихся вокруг упавшего, и Большого Сэнсэя – в центре. Еще Андрей слышал шум, невнятный, словно уши его были забиты ватой.

О том, что произошло в зале, вернее, о том, что он сделал, Ласковин узнал позже, когда немного пришел в себя.

...Удар противника отбросил Андрея в сторону. Все, кто хоть что-то понимал в единоборстве, ждали, что он упадет. Даже судья, за миг до этого вы-

крикнувший второе «вазари» Ласковина, замешкался... Андрей ударил снизу, сдвоенными руками, всем телом и всей силой так, словно не он пропустил только что мощный уро-маваши. Удар Ласковина пришелся в правую сторону головы наклонившегося противника и буквально подбросил того вверх.

Это был чистый нокаут. И не просто нокаут. Бедняга только через полчаса пришел в себя, причем совершенно забыл о бое, в котором пострадал. Зимородинский сказал: «Повезло нам!» – имея в виду себя и Большого Сэнсэя. А также противника Андрея. Придись удар в висок, парень вполне мог бы отправиться на тот свет, а так отделался небольшим сотрясением мозга. То есть пострадал меньше Ласковина, который получил первый свой перелом носа.

Вот после этого происшествия и изменились отношения Андрея Ласковина и его сэнсэя Вячеслава Михайловича Зимородинского. Круто изменились. Настолько, что из перспективного парня Ласковин стал Учеником.

Тем же вечером Зимородинский привел его к себе, и между чашками холодного травяного чая Андрей рассказал о своем жутком видении.

– Карма,– сказал тогда сэнсэй.– Пока забудь, потом, попозже, попробуем разобраться.

Андрей честно постарался забыть, но спустя полгода эта самая «карма» вновь напомнила о себе. К этому времени Ласковину исполнилось семнадцать, и он получил следующий кю. Впрочем, перед тем как вручить оранжевый пояс, Большой Сэнсэй основательно распек Андрея (перед строем) за «контакт». Но это была воспитательная мера. Большой Сэнсэй, как узнал Андрей от Зимородинского, сразу же после памятного боя пожелал забрать Ласковина в свою «продвинутую» группу. Но Слава не отдал: я сам воспитываю

своих учеников!

Кстати сказать, сломанный нос Андрея под действием алтайских травок и точечного массажа, проводимого лично Зимородинским, зажил с поразительной быстротой, практически не испортив внешности. Зато зрелище разрубленного топором, взлетающего вверх черепа оставило глубокий след в сознании Андрея. И когда спустя полгода запах крови и гари второй раз ударил в ноздри Андрея и еще одного его противника унесли с татами с тяжелой травмой, Ласковин понял, что дело еще серьезней, чем казалось. Понял это и Зимородинский. Слава прекратил тренировки, отправил жену с трехмесячным ребенком на юг, к своей матери, а сам вместе с Андреем поселился на маленьком островке у Карельского перешейка. И сделал все, что мог, чтобы «вытащить» того, второго, из глубины ласковинского подсознания. Андрей, который с недавнего времени начал относиться к «мистике» вполне серьезно, старательно выполнял все предписания Славы... Но у них ничего не вышло.

«Ты еще не готов,— с огорчением констатировал неудачу Зимородинский.— Твоя сила сожжет тебя, если выплеснется наружу». «Но теперь ты можешь сказать, кто это?» – спросил Андрей. «Я могу сказать: „он“ приходит, когда ты сам устоять уже не в состоянии. Это факт».

Да, они не добились успеха. Наоборот, стало еще хуже. Теперь каждый третий сон Андрея был кошмаром, причем столь же реальным, как и его дневная жизнь. Зимородин-

ский, впрочем, считал, что это знак: теперь тот, «внутренний», будет приходить и общаться с Андреем, не только когда Ласковина ударят по голове.

Он уговаривал Андрея рискнуть, спровоцировать «прорыв»... Но ученик решил иначе. Он не бросил каратэ, но ни разу не допустил ситуации, которая побудила бы третий «выход» того, кто внутри. Надо сказать, что работавшие кумитэ вместе с Ласковиным помнили о том, что у него может «упасть планка», помогали своему сопернику не подвергать их жизни опасности. Искусство Андрея совершенствовалось, через три года он носил уже коричневый пояс, но и Ласковин, и его учитель знали: предел достигнут. И предел этот установлен самим Андреем. И убран может быть тоже только им самим.

Ласковин сел в автобус, проехал пару остановок и вышел у кафе, в котором завтракал утром. Там он пообедал, вернее, поужинал, воспользовался за скромную плату отдельным туалетом, где умылся, побрился и вычистил заляпанные грязью штаны. Из кафе же, наплевав на конспирацию, позвонил в офис «Шлема» и получил адреса четырех крупных фирм, контролируемых группировкой Гришавина. Тогда Андрей не задался вопросом, почему из более чем двухсот «клиентов» Гришавина выбраны эти четыре.

Машина Андрея по-прежнему стояла во дворе в полном порядке. Ласковин смахнул с нее снег (чтобы не выглядела заброшенной), убедился, что сигнализация в порядке и про-

должает подмигивать возможным похитителям, затем поднялся на чердак и с помощью фонарика самым тщательным образом изучил внушительное (более трехсот квадратных метров) помещение. Никаких незваных гостей или подозрительных следов он не обнаружил. Вид огромных черных стропил над головой завораживал. Казалось, Андрей очутился в трюме корабля. И еще казалось, что вот-вот из-за кирпичной стены дымохода выскочит притаившийся враг. Андрею понадобилось усилие, чтобы убедить себя: никто не может бесшумно передвигаться по захламленному чердаку. Следовательно, все эти опасения – бред. Просто нервам требуется отдых.

Андрей вытянулся в своем спальном мешке на «матраце» из сложенных картонных коробок в надежде, что сон даст ему возможность восстановить силы, успокоиться... Он обманулся в своих ожиданиях. Через несколько минут после того как Ласковин закрыл глаза, сон его обратился в кошмар.

На сей раз снилось Андрею, что он карабкается вверх по огромному кряжистому стволу. Карабкается бесконечно долго, перебираясь с одной исполинской ветви на другую на ощупь, в полной тьме. Цепляясь пальцами рук и ног за желваки коры, он слышит: рядом кто-то кричит, протяжно, с надрывом. Не человек. Руки у Андрея черные. И лицо такое же черное. Он не видит, но знает об этом. У него даже ладони черные. И жесткие, как подошвы. Андрей карабкается все выше, пока не упирается головой в... крышу. «Откуда кры-

ша на дереве?» – удивляется он. И обнаруживает, что мрак уже не столь кромешен, что глаза уже различают смутные очертания веток. Сверху пробивается свет. И еще Андрей чувствует запах. Знакомый запах. Ноздри его расширяются, он принюхивается... запах человеческого тела. Человека.

Андрей ползет по одной из изогнутых ветвей, на которых покоится нечто широкое и плоское. Теперь он знает: это помост. Андрей ползет очень медленно, то и дело замирая, чтобы прислушаться. Там, наверху, люди. Сколько их? Один? Двое? Трое? Андрей знает: от этого зависит его жизнь. И еще она зависит от того, насколько бесшумно Андрей двигается. Наконец он достигает края помоста, приподнимается так, чтобы глаза его оказались выше края деревянного настила... и видит спину сидящего человека. Прямо перед собой.

Так же беззвучно, без малейшего шороха или скрипа, задержав дыхание и даже умерив стук сердца, Андрей опускается, переносит тяжесть тела на ноги и осторожно освобождает привязанный к предплечью нож. Он по-прежнему не дышит и не думает о том, что будет делать. Чтобы тот, наверху, не «почуял» его мыслей. Мысли могут выдать Андрея. Запах – нет. Запах его тела отбит особыми притираниями. Андрей пахнет деревом... Готов! Плавным толчком ног он выбрасывается вверх, через край помоста, правой рукой гасит инерцию, а левой с точно отмеренной силой втыкает тонкое жало ножа в шею сидящего, снизу вверх. Негромкий хруст, звук которого не избежать. Зато жертва умирает

мгновенно, без стопа, хрипа, бульканья перерезанного горла или судорог пораженного в сердце. Правая рука подхватывает убитого, бесшумно опускает на помост, а сам убийца замирает в той же позе, какую избрал часовой. Андрею везет: хруст пробитой ножом кости тонет в ночных звуках. Спящие не встревожились. Вон они лежат на помосте рядом со своим оружием: один, два... три! Трое! Это много. Андрей понимает: трое – это слишком много для него. Трое, умеющие убивать так же хорошо, как и он сам. Они спят, но сон их – сон рыси.

Андрей встает, потягивается. Он выглядит спокойным и непринужденным. Если кто-то из троих не спит, пусть видит: это не враг, это свой. Стараясь ступать мягко, но не бесшумно, Андрей подходит к одному из спящих. Звук его шагов не должен беспокоить их слух. Наклоняясь, Андрей трогает за плечо ближайшего. Он мог бы убить его во сне, но он не любит убивать во сне. Враг должен встречать свою смерть, зная кто пришел за его жизнью.

Андрей прикасается к плечу лежащего так, как сделал бы это его соратник: вставай, друг, пришло твое время.

Да, пришло твое время! Узкий острый клинок погружается в ухо врага, пронзает мозг, с тихим скрежетом выходит обратно... и ноги убитого выбивают барабанную дробь по доскам настила!

Лаской, гибкой молнией бросается Андрей на третьего человека. Больше он не заботится о тишине. Быстрей,

быстрей! Он падает на сильное, мгновенно напрягшееся тело и ударяет сверху ножом, с колен, прямо в сердце!... И нож застревает в кольце панциря! Застревает, погрузившись меньше чем на ладонь. Андрей рвет нож обратно, но тот застрял прочно, а руки врага, полусонного, уже смыкаются на его горле.

Кулак Андрея обрушивается душителю на переносицу, он слышит треск, руки разжимаются. Андрей прыгает с колен туда, где лежит (лежал?) четвертый. Второй нож, поясной, шире и тяжелей первого, – у него в руке...

Короткая стрела с бронзовым широким наконечником ударяет Андрея в живот, вспарывая внутренности. Он ослеп от боли, но рука, сама, уже нашарила чужое лицо, выдавила пальцем глаз... Крик врага сладок, как песня любимой! Чужой клинок вспарывает его левую руку (эта боль – ничто в сравнении с той, что уже есть), но Андрей опрокидывает своей тяжестью врага на спину. Пальцы его левой руки уже не в состоянии давить – перерезаны сухожилия, но есть правая. С кинжалом. И Андрей бьет, бьет этим кинжалом в невидимое лицо. Кажется, он кричит. Или воет?

И тут боль взрывается в животе с невероятной силой, словно его разорвали пополам...

Андрей Ласковин просыпается от собственного крика и целую минуту лежит неподвижно, умеряя удары сердца и дыхание, приучая себя к мысли, что его внутренности целы, что это не его мука. Через некоторое время удастся немного

успокоиться. Андрей зажигает фонарик, а потом спиртовку, чтобы разогреть воду для чая. Время 1.37. Но он по опыту знает: снова заснуть удастся не раньше чем через час. И никто не гарантирует Ласковину то, что кошмар не повторится.

Глава седьмая

Трудно сказать, на что рассчитывал Конь, давая Андрею адреса опекаемых «тобольцами» фирм. Но если он думал, что Ласковин начнет бездумно громить их одну за другой, то ошибся. Андрей больше ничего не собирался делать бездумно.

Утро он начал с того, что позвонил в больницу, где лежал Гудимов, и сумел добраться до лечащего врача. Еще вчера дежурная сообщила Ласковину, что состояние больного удовлетворительное и температура $37,8^{\circ}$ С. Сегодня он узнал намного больше. Во-первых, Виктора перевели из реанимации в двухместную палату, во-вторых, инвалидом-паралитиком он не станет. Хотя, скорее всего, полного восстановления ожидать не приходится, то есть каратэ-до для парня закончилось. Также он узнал, что с сегодняшнего утра Гудимов относится к категории «платных» больных.

«Что ж,— подумал Андрей, вешая трубку.— Если руководствоваться библейским законом „око за око“, справедливость восстановлена. С его точки зрения. А вот „тобольцы“ вряд ли удовольствуются ушибленными ребрами и распухшим ухом Ласковина. Гнать будут, как бешеного пса! А он будет кусаться! Но не как бешеный пес, а с... выбором!»

Первая выбранная Ласковиным фирма из списка Абрека носила нежное название «Лидия-принт». А выбрал ее Ан-

дрей потому, что находилась она здесь же, совсем рядом, на Кировском проспекте.

«Лидия-принт». Печати, бланки, визитки, малотиражные издания, рекламные проспекты, разработка фирменного стиля, импортная канцелярия. Словом, всего понемногу. Прекрасно оформленная витрина, внушающий уважение интерьер офиса, новая оргтехника, немногочисленные вежливые сотрудники – недешево, но очень, очень престижно.

«Прошу вас, пожалуйста! Директора? Как вы удачно зашли: еще десять минут, и Лидия Андреевна уехала бы в банк. Прошу вас, сюда, пожалуйста!»

Никаких формальностей, никаких «а-кто-ты-собственно-такой?» Клиент, даже возможный клиент, – это Персона.

Кабинетик у директора крохотный: тоже часть имиджа. Крохотный – но себе на уме. Широкий стол, компьютер, факс-модем-телефон, высокое, аркой, окно, жалюзи, кресло, еще одно кресло, побольше, для посетителя. И уважение клиенту, и – с подковыркой. «Лидия-принт» – под «крышей». Бандит, он когда силу демонстрирует, норовит на «хозяйское» место усесться. А «хозяйское»-то место не всякую задницу вместит, сделано точно под директорскую аккуратную попку.

Лидия-принт-Андреевна. Строгий костюм, удачно подчеркивающий и хорошо сформированную грудь, и округлости бедер, блестящие, виртуозно уложенные волосы, почти незаметная косметика (то есть выделяются глаза, а не тени

под глазами), искренняя улыбка, не клиенту – мужчине:

– Что мы можем для вас сделать?

Ах, это многозначительное «мы», подразумевающее более интимное «я»!

Андрей слегка повернул голову (так, чтобы распухшее ухо не бросалось в глаза), улыбнулся почти так же интимно и положил на просторный стол, точно по средней линии, визитку: «Шлем», Ласковин Андрей Александрович, и т. д.

Лидия Андреевна взяла прямоугольничек, прочла, согнула слегка, проверяя упругость. Ее улыбка приобрела некое новое качество: не то чтобы холодок... легкий встречный бриз.

– Отличная полиграфия, – произнесла она. – Пожалуй, мы такого сделать не сможем.

Ласковин позволил своей собственной улыбке некую двусмысленность, подтекст.

– А я вот думаю, – проговорил он, закидывая ногу на ногу и соединяя ладони на колене, – что бы могли сделать для вас мы? Страхование перевозок? Страхование несчастных случаев, нарушение контракта? У нас очень большой спектр услуг. Минимум формальностей, минимальный страховой взнос. – Тут он перестал улыбаться. – Никаких случайностей и гарантированное возмещение любых убытков в рамках договора, полная юридическая защита. Честное слово, Лидия Андреевна, даже не представляю, как такой сложный и респектабельный бизнес, как ваш, может обходиться без по-

добных услуг?

– Я тоже не представляю, Андрей Александрович.

– Значит – да?

– К сожалению – нет. Видите ли, у нас уже есть соглашение о подобных услугах. С очень солидной организацией.

– Мне говорили об этом, – кивнул Ласковин. – Но ведь любое соглашение можно пересмотреть, если предлагаются... лучшие условия? Верно?

– Андрей Александрович! Вы можете обсудить это с вашими... коллегами. Я совсем не против того, чтобы работать с вами! Тем более что лично вы, Андрей Александрович, мне очень симпатичны! Но, как вы понимаете, сама я не могу решить этот вопрос. Хотите, я сейчас позвоню и...

– Нет, нет, – возразил Андрей, поднимая руки. – Куда нам спешить? Если вы, Лидия Андреевна, скажете, когда мои коллеги навещают вас, я подъеду, и мы все вместе поговорим.

– Тогда, может быть, после двух. Вы не против, Андрей Александрович, если я предупрежу их о вас?

– Разумеется, нет.

– И еще, – помедлив, проговорила Лидия Андреевна, – мне бы не хотелось, чтобы у меня в офисе... что-нибудь произошло!

– Даю вам слово! – очень серьезно ответил Ласковин и поднялся. – У вас не будет никаких неприятностей. Никаких! Значит, после двух?

– Может быть, кофе, Андрей Александрович? – Улыбка женщины приобрела «неформальный» оттенок.

– Спасибо, в другой раз – обязательно, а сейчас... я спешу.

– Разумеется. И... вы играете в теннис?

– Нет, – ответил Ласковин. – Но, возможно, захочу научиться, это ведь не так уж сложно?

– Вовсе нет. И помогает сохранить фигуру. Впрочем, вам это ни к чему!

– Мне кажется, вам тоже, Лидия Андреевна.

– Лида, просто Лида. Тем не менее это превосходное развлечение.

– Очень приятно было с вами познакомиться, Лида!

– Мне тоже, Андрей. Я провожу вас. Может, попросить нашего шофера подвезти вас?

– Не беспокойтесь, я на колесах.

Продолжая демонстрировать друг другу расположение, они проследовали до дверей и расстались. Андрей успел заметить, что ноги директора «Лидии-принт» немного коротковаты, но высокие каблуки скрадывали этот небольшой недостаток.

Что ж, Лидия Андреевна, безусловно, интересная женщина. Но не настолько интересная, чтобы встреча Ласковина с «коллегами» состоялась. После двух Ласковин намеревался быть совсем в другом месте.

«Ты не стратег, ты даже не тактик, – говорил Андрею Зимородинский. – Не потому, что дурак, а потому, что мысли у

тебя прямые... как шест».

«Но я побеждаю,— возражал Андрей.— И техника у меня гибкая, сам же говорил!»

«Да,— соглашался Слава,— шест, он тоже гибкий. По-своему. Только его направлять надо. Чтобы он ломал, а не его ломали. Ты работаешь так, словно у тебя за спиной ничего нет. Ничего в запасе. (Оба, и сэнсэй, и ученик, предпочитали не упоминать о том, что было в запасе у Ласковина.) Ничего в загашниках... и, что действительно плохо, так оно и есть».

«Это и есть тактика? — осведомился Ласковин.— Каверзный трюк?»

«В общем — да. Не опережать напором, а опережать напор. Пусть противник промахнется не потому, что тебя уже нет, а потому, что тебя еще нет. И не будет! Посмотри, как чемпион (чемпионом Зимородинский называл Большого Сэнсэя) своих натаскивает. Техника, резкость, растяжка — все вспомогательное. Главное, они знают не только, где сами будут стоять через полсекунды, они знают, где противник будет через эти самые полсекунды. Потому что сами его туда приведут. Они знают, что будет, и могут решить: преподнести сопернику сюрприз или повременить. Они вправо, и противник вправо. Как на веревочке. Вот это — тактика. Когда ты думаешь, что ведешь, а ведут тебя. Не удар поставить, не в шпагат посадить или научить прыгать на два метра, как Варама! Маленьким, коротеньким движеньищем, пальчиком мыльный пузырь проткнуть — пф! — и иппон! Но перед

этим пузырь нужно надуть и расположить должным образом. Это – тактика. И этому учат индивидуально! И не всех. Потому что не каждого научить можно. Тебя вот – нельзя. Но если уж научишь... Сам видел, как чемпионы „зеленые“ да „синие“ итальянцев, „черных поясов“, делали. Или японца прошлогоднего. А какая техника у японца! Этих „голубых“ в ката рядом поставь – позор, да и только. А кумитэ выиграли. Все пятеро. Потому что их учат с противником работать. А лучше – с несколькими. Специфика стиля».

«Я бы этого японца тоже положил, – сказал тогда Андрей. – Значит, тех „синих“ научить можно, а меня нельзя?»

«Этому – нельзя. Тебя иначе учить надо, поэтому и не отдал тебя чемпиону. Он – чувствует, а я – вижу!»

«Хочешь сказать, ты его сделаешь в кумитэ?» – подкусил Ласковин.

Зимородинский ответил не сразу. Но ответил.

«Помнишь, Ласка, Минкевич нам давеча байку рассказывал? Про корейца?»

«Меня не было, – сказал Андрей. – Я зачет сдавал».

«Так послушай. Поучительно это. О том, как один большой и сильный „черный пояс“, очень большой и очень сильный, работал кумитэ с гостем, маленьким таким корейцем. Этот – под два метра, вес соответствующий и мастер – дай Бог. Пятерых таких, как ты, на татами растер бы и не заметил.

А кореец – метр с кепкой. И даже не черный пояс, а ко-

ричневый, считай – ученик. Правда, у них там своя градация, но дело не в том. Так вот, сошлись они, потоптались, поглядели друг на друга, а потом наш мастер возьми да и цап корейца в охапку да шварк его в стену, благо сам тяжелее раза в два, как минимум».

«Лихо!» – воскликнул Андрей.

«Это ты так думаешь, – сказал Зимородинский. – А кореец думал иначе. В стену-то он врезался, но скимировался, себя удержал, а потом пальчик свой желтый поднял, покачал в воздухе. „Нехолосо, – говорит, – это не калатэ!“ Сказал и сказал. Продолжили. Потоптались еще немного, а потом кореец свое движение провел. Тоже одно. Последнее. И прокомментировал: „К влацу не ходи. Челез тли недели само плойдет!“ И не соврал. Через три недели прошло. Само. Но три недели наш мастер под домашним арестом провел. Потому, что от „белого брата“ далеко отойти боялся».

«Минкевич сам видел? – спросил Ласковин. – А то сомнительно. Коричневый пояс... Не верю, извини».

«Вот поэтому ты не тактик. Но ты – лучше. В перспективе».

«Опять не понимаю».

«Ты можешь стать тем, кому тактика не нужна. И стратегия».

Этот разговор подогрел тогда Ласковина основательно. Но реально ничего, кроме энтузиазма, не дал. И вот три дня

назад Зимородинский вновь напомнил ему: ты не тактик.

«Ах, не тактик? – думал Андрей, глядя с крыши на замкнутый „мафиозный“ дворик.– Ладно! Посмотрим, какой я не тактик!»

Примерно в четверть второго во дворике жизнь забила ключом. Забегали, засновали «бойцы», распахнулись двери микроавтобуса (задние, как у катафалка), поволокли какие-то сумки. В одной, недозастегнутой, Андрей углядел «кольчатого червя» – шланг противогаза. Наверняка и гранатки найдутся с «черемухой» или с паралитиком импортным...

Нет, какие гранатки! Вон целый баллон волокут с веерным распылителем! А вот наконец и «группа захвата». Куртки бронежилетами оттопырены. Каски бы им и черные чулки на морды – натуральный ОМОН. Целых двенадцать втиснулись в автобусик, сели, но не трогались, ждали чего-то. Впрочем, почему бы и не подождать? После двух, сказала деловая женщина Лидия-принт-Андреевна. А нынче только 13.28. Ехать же, если с песнями, по мосту Лейтенанта Шмидта, через Васильевский, а потом по Тучкову на Большой и до Кировского-Каменноостровского, минут пятнадцать. А если по набережной, вдоль Невы, – и того меньше. Можно и подождать. Ага, сам господин Крепленный со товарищи. Крепкие у него товарищи: синяк на боку Ласковина – размером с блюдце. Загрузились в «вольву» восьмьсотпятидесятую, универсал, цвет «мокрая мышь», тронулись. Уважают Андрея Александровича в «тобольской» группи-

ровке. Шестнадцать человек с полной выкладкой. Или подстраховались? Вдруг не Ласковин придет на стрелку, а, скажем, коллеги из города-побратима Тамбова решили расширить сферу деятельности? Или черные вздумали беспредел учинить? Вот Ласковин, хоть и Ласковин, хоть и блондин, а кучерявый. Может, он чечен неправильной масти?

«Вот,— подумал Андрей,— а я женщине обещал: безобразия не будет! Ну как после этого я могу с „коллегами“ повидаваться?» Нет, раз он обещал — значит, и не будет. В офисе «Лидия-принт». Будет в другом месте, где он никаких обещаний не давал. Скорее наоборот.

13.50. Вернулся БМВ. И тут же уехал с бежевой «девятой». Еще шесть человек до той. Во дворе остались белый «родстер» и «Опель-Рекорд». И два «вахтера» в стеклянной будочке. Вот вам бы в будочке и сидеть, ребята,— для здоровья полезней! Там, в будочке, тепло. А снаружи... скоро будет очень-очень жарко!

Пришло время переходить ко второму акту, и Андрей спустился вниз. Через несколько минут он был уже у железных ворот. Особенно не скрывался. Вероятность возвращения какой-нибудь из групп невелика. В сумке у Ласковина лежала трехлитровая банка под белой полиэтиленовой крышкой. Крышка слегка покоробилась: не любит полиэтилен паров бензина. Покоробилась, но на месте: предусмотрительный Ласковин обмотал ее в два слоя скотчем.

Поставив банку на асфальт, Андрей вынул из бумажно-

го пакетика три «бенгальских огня» с заранее наточенными ножками и воткнул в крышку. Три – это для надежности. Теперь оставалось только поджечь – и ничуть не хуже бомбы.

Пока Ласковин, сидя на корточках, зажигал «бенгальские огни» (вот уж точно «здравствуй, жопа, – Новый год!»), рядом остановились два подростка лет по четырнадцать: чем это мужик занимается?

Ласковин с удовольствием послал бы их подальше, но понимал, что это вызовет обратный эффект.

– Знаете, кто здесь живет? – спросил он, ткнув пальцем в сторону железных ворот.

– Бандиты! – немедленно ответил осведомленный тинэйджер поменьше ростом.

– Крутые парни, – присоединился второй, покрупней.

– Крутые? – хмыкнул Андрей. – Ну да, когда трое с револьверами – на одного с зонтиком!

Ребята захихикали. Может, дошла позавчерашняя история?

– Проверка на вшивость! – сказал Ласковин, поднимаясь и размещая на ладони поудобней банку с короной из сыплющихся звездами огней.

Между воротами и верхним краем арки был зазор. В полметра шириной.

– Бегом за угол! – приказал он зрителям.

В прежние времена Ласковин недурно играл в баскетбол... Оп! Банка вошла точно под арку.

Андрей рванул следом за подростками, и... бабахнуло! Смачно бабахнуло. В полный рост! Языки огня выметнулись из-под арки и даже снизу – из-под ворот.

Внутри кто-то немедленно заорал. Потом загрохотал автомат – пули залязгали по металлу, следом – еще один взрыв, за ним – третий, самый знатный, – черный дым клубами взвился над крышами домов.

– Ну ты крут, дядя! – отметил успех один из подростков.

– Андреем меня зовут, – сказал Ласковин.

– А меня – Юра!

– Федор, – баском представился третий.

– Язык за зубами умеете держать? – задал Ласковин риторический вопрос.

Оба тинэйджера отчаянно закивали.

– Тогда пошли, полюбуемся!

Пока они поднимались на крышу, основная часть фейерверка уже завершилась. Стены двора-колодца приобрели неповторимый угольный цвет на три человеческих роста. Стекол на двух нижних этажах, естественно, не осталось. Правда, будка «вахтеров» устояла. Но прозрачной ее уже не назовешь. По закопченному двору муравьями бегали бойцы: тушили горящие лужицы, остовы «опеля» и «мерседеса» (жаль, красивая была машина!). Неожиданно снаружи загукала сирена.

«Пожарные?» – подумал Андрей. И ошибся. Это вернулась «группа захвата». Все шестнадцать, в полном составе. И

тут же забегали, как тараканы на горячей сковородке. Снова завывала сирена. Но на порядок громче. Вот это уже были пожарники. Теперь кутерьма надолго.

«Не съездить ли мне и впрямь в „Лидию-принт“? – подумал Ласковин.– А почему бы и нет?»

– Мне пора, парни! – сказал он.– Поручаю вам наблюдение. Завтра в двенадцать встречаемся у Львиного мостика. Идет?

Бурное одобрение.

– Ну, бывайте,– сказал он под горячие заверения, что все будет схвачено.

Поймав тачку, Ласковин приехал на Петроградскую.

Трудно сказать, что наговорили о нем Крепленный и компания, но когда Ласковин позвонил (дверь офиса оказалась на запоре), лицо открывшего сотрудника выразило, мягко говоря, удивление. Но в директорский кабинет Андрея проводили без всяких вопросов.

– Здравствуйте, Лида! – приветствовал он как ни в чем не бывало.– Мои коллеги уже прибыли?

– Ваши коллеги уже отбыли,– улыбнулась Лидия Андреевна.– И спешно. Кстати, они вас совсем не любят, имейте в виду!

– Это их трудности,– беспечно ответил Ласковин.– Если тебя любят все, это вредно для здоровья. Если вам несложно, Лида, позвоните, поинтересуйтесь, не могли бы они подъехать еще разок?

– Вы своеобразный человек, Андрей,– заметила директор «Лидии-принт». Но номер набрала.

Сразу трубку не сняли, а через три гудка Лидия Андреевна нажала на сброс. Похоже, она не стремилась организовать эту встречу. Ласковин – тоже. Но теперь он знал номер, по которому можно пообщаться с Крепленным. Может быть, пригодится.

– Похоже, у них неприятности,– бросил он вскользь.

– А у вас?

– У меня? – Лучезарная улыбка.– Мои неприятности – ничто в сравнении с неприятностями тех, кто доставляет неприятности мне!

Превосходная фигура речи!

– Но на сей раз вы не откажетесь от чашечки кофе? – бархатным голосом предложила женщина.

– Даже от чего-нибудь более существенного. Пойдемте пообедаем, я приглашаю!

– К сожалению, не могу отлучиться,– отказалась Лидия Андреевна.– Но мы можем пообедать здесь. Леша!

Возник молодой человек, открывший Ласковину дверь.

– Будь добр,– попросила директор «Лидии-принт».– Закажи нам обед. Здесь рядом бизнес-центр,– сообщила она Ласковину,– у них хорошая кухня.

Андрей полез за бумажником, но был остановлен.

– Вы угостите меня в другой раз. Леша, два обеда на твой вкус.

Кухня в бизнес-центре и впрямь оказалась хорошей. Особенно если сравнить с тем, что ел Ласковин последние два дня. Пара рюмок напитка под названием «Виньяк» помогла обеду комфортабельно устроиться в желудке. Андрей не ограничился бы двумя рюмками, если бы не предполагал, что финал этого дня может оказаться беспокойным.

Горячий, только что сваренный кофе со сливками завершил сей дружеский обед. Так думал Андрей. Но выяснилось, что еще остался десерт.

Лидия Андреевна поднялась, заперла дверь на замок, а потом с замечательной непринужденностью улеглась грудью на письменный стол и забросила на спину подол тщательно отглаженной юбки. Под ней скрывались круглые, подрумяненные кварцем ягодицы, а под ними – темная влажноватая шерстка. Лидия Андреевна раздвинула ноги и приглашающе покачала гладкой попкой.

Вообще-то Андрей предпочитал сам определять: с кем, где и как. Но предложение было сделано в такой форме, что отказать, сохранив лицо, было невозможно. И Ласковин не отказал.

В самый разгар процесса зазвонил телефон. Лидия Андреевна сняла трубку, но когда Ласковин приостановился, свободной рукой ухватила его за ногу и показала недвусмысленно: продолжаем! И они вполне успешно пришли к завершению. К обоюдному удовольствию. Лидия Андреевна лишь на несколько секунд прикрыла микрофон, чтобы не смущать

клиента посторонними звуками.

Спустя пять минут посредством салфеток, лосьона и некоторого количества черной туши хозяйка «Лидии-принт» полностью восстановила прежний строгий имидж. Андрей – тоже, но обойдясь без туши. Затем не без кокетства из ящика письменного стола были извлечены красные трусики и надеты с демонстрацией шоколадного цвета ног. Загар в Петербурге в середине зимы смотрелся очень пикантно. И не сразу бросался в глаза: коричневые икры казались просто одетыми в колготки. Красные трусики исчезли под серой деловой юбкой.

– Пирожок с вишенкой, – улыбнулся Андрей. Шутка его была принята и оценена. Нацарапав номер на тыльной стороне визитки, Лидия Андреевна подала карточку Ласковину.

– Мой домашний, – сказала она. – Звони. Кстати, можешь мне и свой дать. Ты где обитаешь?

– Неподалеку, – честно сказал Андрей. – На чердаке.

Лидия Андреевна рассмеялась.

– Дело твое, – не стала настаивать она. – Звони. У нас совсем неплохо получается!

Глава восьмая

Проснулся Ласковин от шороха. Да, нервы стали ни к черту. Вот позапрошлой ночью коты орали, как грешники в аду, – ничего. Спал как-то.

Тьма была полной. Снаружи – ночь. Был бы день – слева, над примерзшей дверью, что вела на крышу, пробивалась бы полоска света. Не видно ее – значит, ночь. Темнота... и шорох! Нет, не нервы, наоборот! Шурр-шурр... Ходит кто-то. Человек?

«Вздор, – подумал Ласковин, окончательно проснувшись. – Вздор! Ходить по чердаку, заваленному мусором, в полной темноте? Да это такой бы шум поднялся: то на жесть ржавую наступишь, то на стекло. Или за трубу заденешь. Не то что ходить почти бесшумно, вообще ходить – ноги переломаешь!»

Андрей представил себе команду «тобольцев», окружающих его во мраке. С ума сойти. Тут бы такой грохот и мат-перемат стоял...

Однако ходит, ходит же! И не кот, тяжелый. Кто? Собака? Нет, у собаки шаг другой, и когти цокают. Тигр? Бред! Тигр – на чердаке! Шурр-шурр... Все-таки... Человек? Может, он, Ласковин, все еще спит?

Андрей медленно расстегнул молнию спальника. Фонарик рядом, пистолет, если что, тоже рядом.

Шаги – шурр-шурр – начали удаляться. Он, чердак, большой, есть где побродить... в темноте. Большой чердак, попробуй найди в нем Андрея Ласковина! Тем более что спит Ласковин в укромном уголке, за дымоходом, с довоенных времен оставшимся.

«Господи, – подумал Андрей. – Да я боюсь!»

Он тихонько сел, начал надевать ботинки. Ботинки нужнее, чем штаны. Без штанов даже двигаться легче, а без ботинок – по щепкам, по гвоздям, по стеклам битым – поди-ка попляши!

Холодно, однако. Кожа в пупырышках. Или это от страха? Как он ходит? Это кем надо быть, чтобы по этим самым гвоздям, стеклам, щепкам, в полной темноте – так тихо? Страшно тебе, Ласковин? Страшно! Когда Крепленный в тебя стрелял, страшно не было. А сейчас... блин! Кто?

Шурр-шурр... Сюда идет. К нему. Выходит, с той стороны все осмотрел, теперь сюда идет. Осмотрел? В такой темноте? Да здесь даже коты ни хрена не видят!

Шурр-шурр... С другой стороны дымохода. Человек. Точно, человек. Дышит с присвистом: бронхитник, что ли? Шурр-шурр... Сейчас выйдет справа. Слева – там потолок низкий и балка. Значит, справа. Шурр-шурр... Банки пустые консервные не задел, обошел... Шурр-шурр... Страшно, Ласковин? Хрен вам!

Андрей подобрал ноги, сконцентрировался: фонарик в одной руке, «вальтер» – в другой...

Шурр... Остановился. Может, знает, что Ласковин рядом? Наверняка знает. Чует. Если уж в такой темноте разгуливает, как в полдень по Дворцовой площади...

Шурр... Шурр... Вот он!

Андрей не увидел – почувствовал, как из-за угла дымохода возникла страшная фигура... Кто?

Луч фонаря ослепительно, остро ударил в темноту, вырвал из тьмы уродливую голову, черное, отливающее гляncем, как спинка жука, рыло... Голова чудовища на человеческом теле, огромные квадратные, отблескивающие радужно глаза... и пистолет, направленный прямо на Ласковина!

Андрей вскрикнул от потрясения: такого он точно не ожидал – вскрикнул и непроизвольно нажал на спуск. «Вальтер» хлопнул отрывисто, оглушительно, пуля (мимо!) грохнула в крышу. Чудовищная голова на человеческой шее дернулась, монстр зарычал, пистолет его плюнул огнем и громом: бах-бах-бах! Трижды. Андрей метнулся назад, за дымоход, в щель между кирпичной кладкой и скосом крыши. Фонарик он выронил, но тот, по странной прихоти, продолжал светить прямо в чудовищную морду. И пистолет в черной руке задергался снова: бах-бах-бах... А сам монстр топтался на месте неуклюже, вертел башкой... и стрелял, стрелял. Грохот наполнял брюхо чердака. Грохот и пороховая гарь. Андрей все ждал, когда у него кончатся патроны, а патроны не кончались. Десять выстрелов, двенадцать...

И вдруг чудовище перестало палить, сунуло пистолет в

карман, схватилось рукой за уродливую голову... и оторвало от нее половину!

Андрей почувствовал себя резиновой игрушкой, из которой выпустили воздух.

Слава Богу! Ноктовизор! Прибор ночного видения, фотонный умножитель. Никакой не монстр. Просто человек с ноктовизором, и сейчас этот человек взял обычный фонарик и направил на ласковинскую «спальню».

Вот бы самое время прыгнуть, выбить пистолет, выбить чердачную пыль из куртки незваного гостя... И дух из самого гостя – тоже!

Но прыгнуть Ласковин не смог. Слабость. Реакция на стресс. И выстрелить не смог, не приучен в людей стрелять, тот, первый выстрел – случайность.

А гость злобно пнул ногой ласковинский фонарик, выключил свой и снова надвинул на лицо прибор-морду. Начнем сначала. Те же и темнота. Слепой Ласковин против «зрячего» убийцы.

Нет, уже не сначала, с другого места. Слабость прошла. Андрей больше не боялся. Человек плюс техника против человека же плюс искусство... Убийца заглянул в щель, где прятался Ласковин. Поздно, приятель! Андрей уже выполз с другой стороны. Есть приборы, которые «видят» сквозь стены. Но не этот. Убийца – там. Андрей – здесь. Между ними – полутораметровой ширины труба дымохода. По кругу, в догонялки, как в детстве.

И очень простой прием – чуть быстрее. Глядишь, и ты уже не впереди, а сзади, со спины...

Еще минута – и Ласковин бы выиграл эту игру, но тут с визгливым скрипом распахнулась дверь, ведущая на лестницу, и кто-то истошно завопил:

– Клуша, твою мать, Клуша!

И свет фонаря запрыгал по темному пространству чердака. Потом второй луч, третий.

– Здесь я, мудаки! – гаркнул убийца Клуша, и фонари тут же скрестились на нем, вынудив Ласковина отступить назад, чтобы не оказаться обнаруженным.

– А этот... здесь? – спросили из темноты.

– Здесь, бля! Затихарился. Макар, стань у двери и не светись, еш тебя, у него ствол!

– Как бы он нас опять не уделал... – проговорил кто-то.

– Не киздеть! – пресек Клуша. – Вы, с фонарями, – светить, остальные – давай с той стороны, цепью, мать вашу, а то друг друга продырявите!

Клуша включил свой фонарь, и Ласковин тут же шагнул ему за спину.

Цепочка двинулась навстречу. Через пару минут они поравняются со своим начальником. У Ласковина начал формироваться план. Выждать эту пару минут, потом – рывок: вырубить Клушу, вырубить того, кто у двери – до нее метров десять, – вниз, в машину – и бай-бай. Рискованно, но что делать? Не более рискованно, чем вламываться в штаб-кварти-

ру «тобольцев». Условия сходные: темнота, фактор неожиданности. Вопрос удачи и быстроты. О черт! Ласковин только сейчас вспомнил, что он, можно сказать, голый. Штаны, куртка – около спальника. В куртке – деньги, документы, ключи. Если их не забрать, можно и не убегать.

Цепочка двигалась. Осторожно, без суматохи, вслед за полосами фонарных лучей. Андрей надеялся, что кто-нибудь с испуга начнет палить по теням. Зря надеялся. Клуша застыл: луч мощного фонаря прошивает тьму до противоположной – в паутиной мочале – стены. В правой руке – пистолет, ноктовизор сдвинут на лоб. Грозный, вероятно, вид у мужика! Ладно, ладно, ты только стой, не оборачивайся.

Чувствуя себя тараканом, которого включенный свет застал посреди коммунальной кухни, Андрей преодолел несколько метров до спального мешка. Очень осторожно он сложил внутрь куртку, брюки, тихо-тихо свернул, липучкой зафиксировал, теперь валик под мышку – и назад. Цепочка уже почти рядом. Серьезные ребята. Никакой суеты.

Клуша развернулся на четверть, Ласковин притаился за его широкой спиной. Слева-справа пошарили желтые щупальца фонарей.

– Вот, вот здесь он спал, еш его!..– возбужденно проговорил кто-то.

– Искать! – рявкнул Клуша, бросил взгляд на освещенные желтым бумажные коробки, что-то шевельнулось у него в мозгу... Вспомнил! Спальник! Одежда!

– А... – начал он.

– Пок! – рукоятка ласковинского пистолета опустилась на затылок Клуши.

– Бах! – Это уже не «вальтер», это рывкнул пистолет в руке Клуши. Так, в пространство бабахнул. Хозяин его уже оседал на пол.

Эхом на этот выстрел откликнулся еще один стрелок. Андрею некогда было разбираться, кто, куда, зачем палит. Он ринулся к двери (слава Богу, не споткнулся, не потерял темп), возник сбоку от сторожившего выход бандита, сшиб его и выскочил на узкую лесенку.

Если удача поворачивается спиной, то лица ее уже не разглядеть!

Около дюжины ступенек вели от чердачной двери вниз, на площадку. Узкая лесенка, зажата между двумя стенами. А на площадке, начеку, расположился еще один бандит. И пистолет его смотрел прямо на Ласковина.

Дюжина ступенек. Проход в метр шириной. Не увернуться, не отступить.

Все, что мог сделать Андрей, – прыгнуть сверху на «тобольца». Что он и сделал.

Все, что нужно было сделать «тобольцу», – это попасть с нескольких метров в фактически неподвижную цель. Промануться практически невозможно.

Ласковин прыгнул – бандит выстрелил. Дважды. И не промахнулся, разумеется.

Летящее тело по инерции обрушилось на бандита, сшибло с ног, локтем – о щербатый пол – очень больно! – но зато! Наконец! Все!

Две пули калибра 7,62 мм, выпущенные с расстояния нескольких метров, – это все! Две пули из пистолета ТТ образца 1951 года практически в упор – это без вопросов!

«Тоболец» зашипел – у, бля, локоть, больно! – и левой рукой спихнул с себя. Прыгун, бля! Спортсмен, бля!

– Братва! – гаркнул наверх, в раззявленную чердачную дверь, прушник убийца. – Киздец, братва! Я его достал!

Пистолет ТТ отличается простотой, прочностью и надежностью устройства. Незначительно модифицирован в 1933 и 1951 годах. Патрон очень мощный, бутылочной формы, такой же, как к пистолету Маузера 1896 года. Останавливающее действие пули сравнительно невелико, но в годы Великой Отечественной войны ТТ зарекомендовал себя как мощное и надежное личное оружие...

Прежде чем поднять выпавший пистолет, «тоболец» еще раз, мельком, глянул на подстреленного. По белой шерсти свитера, сбоку, у лежащего расплзлось кровавое пятно. Готов! Бандит взялся за удобную рифленую, со звездочкой и буквами «СССР» (осколок империи) рукоять: надежная вещь, ничего не скажешь, не зря ее знатоки нахваляют!

– Братва! – закричал он снова, распрямляясь. – Давай вниз, я его...

Что-то твердое ударило «тобольца» под зад, в аккурат

по копчику. Исписанная паскудными словами, многослойно обоссанная стена мотнулась навстречу, и с сухим треском бильярдного кия, ударяющегося по шару, бандит впилился лбом в намалеванный внуком победителя символ Третьего рейха. Только четверть часа спустя «тоболец» узнал, что поторопился с победной реляцией.

Глава девятая

Первая пуля прошла вскользь, чиркнув по ребрам, как раз по тому месту, куда пришелся десантный башмак рыжего. Второй пуле предназначалось, пробив брюшную стенку, поразить печень, пронзить снизу вверх диафрагму и через правое легкое, раздробив ключицу, выйти около шеи.

Такое ранение не всегда бывает смертельным. Если раненый получает медицинскую помощь в течение нескольких минут, его еще можно спасти. Если же этого не происходит, примерно через двадцать минут человек умирает от внутреннего кровотечения. Но это может случиться и через пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.